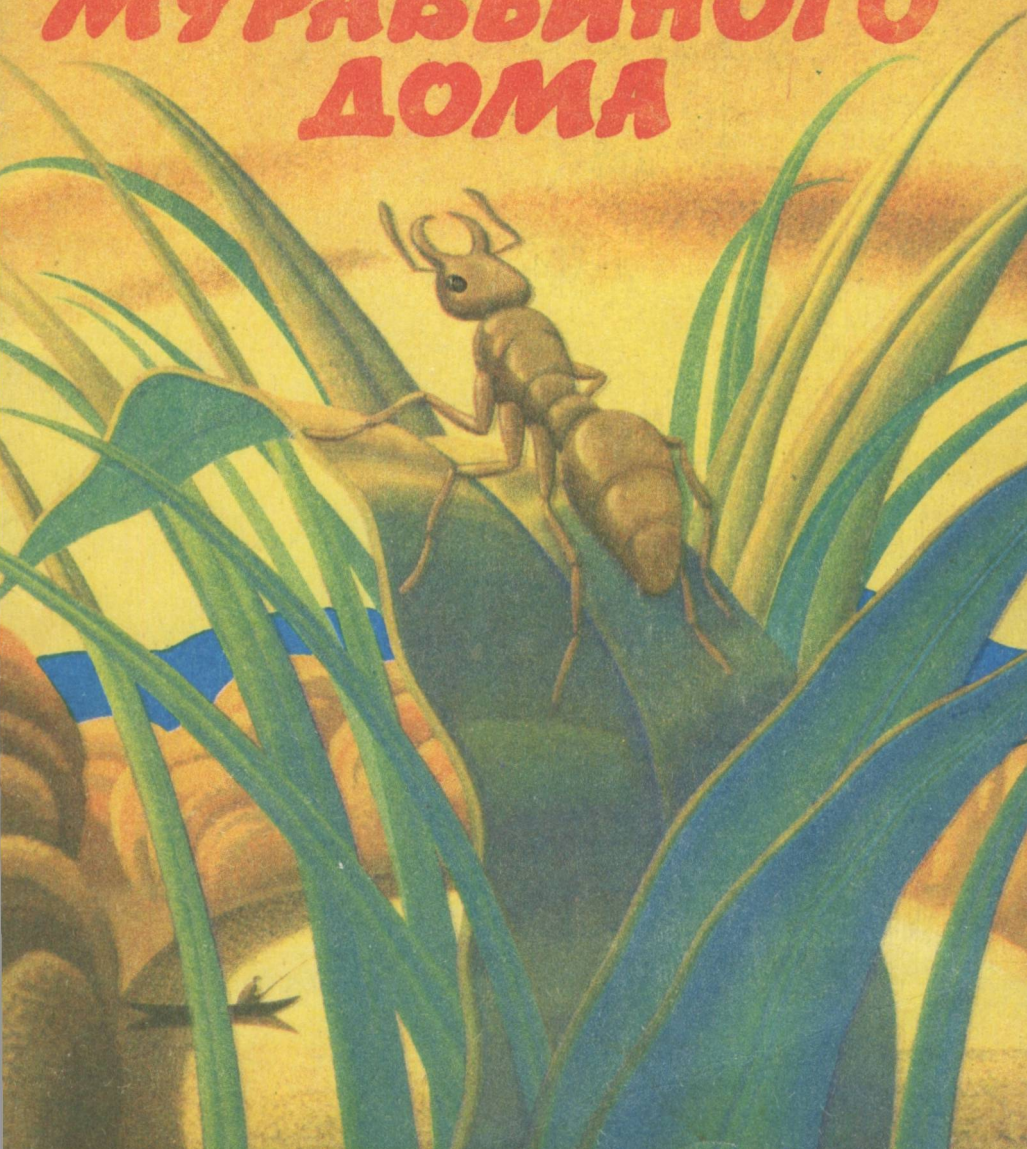

Ф.Х. МАСЛОВСКИЙ

ТАЙНЫ МУРАВЬИНОГО ДОМА

Ф.Х. МАСЛОВСКИЙ

ТАЙНЫ МУРАВЬИНОГО ДОМА

Хабаровское книжное издательство

1989

681000, г. Хабаровск, ул. Амурская, 10

ул. Советская, 1А

Центральная библиотека

библиотека им. Н. Островского

ББК 84.Р7
М 31

Литературная обработка В. В. КОРЕНЕВА

*Для детей младшего и среднего
школьного возраста*

Художник А. Н. АНТОНОВ

Масловский Ф. Х.

М 31 Тайны муравьиного дома.— Хабаровск: Кн. изд-во,
1989.— 64 с.

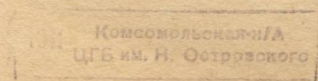
ISBN 5-7663-0049-2

Занимательные рассказы для детей о дальневосточной природе.

М 4803010201 52-89
М160(03)-89

84. Р7

© Хабаровское книжное издательство, 1989

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Как возник замысел этой книжки? Ведь я не литератор, всю жизнь проработал школьным учителем. Откуда же появилось это желание — рассказать о том, что особенно мною любимо, что так часто приходит на память, когда оглядываюсь на прожитые годы?

И все чаще стал видеться мне во сне уже давно исчезнувший с лица Земли Халан — малая моя родина. Места моего детства...

Халан — это небольшой поселок с приземистыми домиками, начальной школой, магазином, конторой, медпунктом, баней, наспех срубленными из маревой лиственницы и белокорой осины. Нижняя часть домика, до окон, обычно погружалась в вырытый котлованчик. Крышу делали пологой, из протесанных жердей, она же служила и потолком, а сверху закрывалась слоем из прошлогодних листьев и утеплялась землей. Домики

были больше похожи на складские погреба. Зимой в них всегда было тепло, а летом прохладно.

Выйдешь за калитку, согласишь кругом — дух захватывает. Вот плоскодонное озеро. Летом оно сплошь покрыто желтыми кувшинками на длинных нитевых стеблях. От озера к реке идет извилистая протока. Какие пышные тальниковые ветки повисли над ней, как бы кланяясь и благодаря за прохладную воду...

А сам поселок! Каким важным представлялся он мне! Ведь через него доставляли промышленные и продовольственные товары золотодобытчикам приисков Дяппе и Агние-Афанасьевска. Разные грузы прибывали с Киселевской перевалбазы в Халан на огромных, как тогда мне казалось, деревянных халках «Пильда» и «Лимури». Халки делали свои же халанцы и именовали их в честь ближних горных стремительных рек. Помню, конечно же, названия катеров, которые цепляли халки: «Вьюга» и «Арагви». Почему этот старый, с вмятыми боками и старческой одышкой катер носил красивое имя далекой кавказской реки, до сих пор не знаю.

Мы, мальчишки, любили встречать «Вьюгу» и «Арагви». Кроме грузов они привозили на халках веселых студентов, родственников, гостей и молчаливых, нахмуренных тревожных новопоселенцев.

В такие дни на берегу всегда былолюдно и весело. Халки два дня разгружались и снова уходили за грузом, а мы ждали их возвращения. 75-километровый водный путь от Халана до амурской пристани Киселево хотя и не длинен, зато запутан протоками с загадочными названиями: Дарахта, Авали, Халан, Лимури. Ни один отплывающий первопутник, боясь заблудиться в лабиринтах протоков, не решался сесть за весла без провожатого.

А сколько здесь было всякой рыбы! Двухкилограммовые, словно отлитые из чистого серебра, сладковатые на вкус лимуринские караси; упругий, с бурой «ватерлинией» и золочеными плавниками хариус — «царская рыба»; пестрый, с бурой спинкой зубастый ленок. А двухпудовые таймени, осетры и калужа-

та со светящимися жемчужинками-глазками, а бронзовый, смысленный, сильный и быстрый желторотый сазан...

Но Халан — это не только вода и рыба. Это обилие кислой краснобокой клюквы, сине-сизой голубики, сладко-вяжущих ягод черемухи и диких яблочек, это поляны дикого лука и черемши, это смолистый дух стланиковых шишек и многочисленные табунки куличков и уток.

Как-то поймали мы пять осиротевших желто-зеленых пуховичков-утят и два с половиной месяца растили их. Хлопот было на все лето. Все дивились нашим утятам, когда они уходили со двора на озеро, плавали, питались там, а на ночь возвращались домой. С домашними утками наши приемыши почему-то не сходились и на озере всегда сторонились их, плавали сами себе особнячком и без гоготания. Взрослые говорили: «Подрежьте крылья, а то улетят», но мы этого не стали делать. И вот в один из сентябрьских дней пролетала над озером стая диких уток, и, как по команде, наша пятерка вспорхнула и устремилась вдогонку. Нам было и обидно... и радостно за них. До самого вечера только и шел о них разговор.

А еще очень живо помню, как делал лодку отец. И какая она вышла из его рук — ладная, легкая: так и подмывало сесть в нее, взять в руки весла и плыть, плыть в самую дальнюю амурскую даль.

В один из майских дней братья и сестры ушли в школу, отец — на работу, мать около дома картошку сажала. А я от радости, что у нас своя лодка, решил покататься на ней. Грести веслами не умел. И решил вообразить: лодка — катер, я — мотор, ноги — винт. Развернул у берега лодку, закатал штанишки, сел на корму, оттолкнулся и замотал ногами. Вода забурлила, я зафыркал, и лодка двинулась вперед.

Тут выбежал на берег мой товарищ, одногодок Витька. Я решил похвастать перед ним своей смекалкой и забултыхал что было силенок. Лодка двинулась быстрее. Я крикнул:

— Витька, смотри-и-и-и!..

Ногами ощутил дно, выпрямился, открыл глаза, но вокруг тьма, и только сверху струится свет. Я оттолкнулся, суматош-

но забил руками, вырываясь к свету. И только вынырнул — вдохнул полную грудь воздуха. К берегу шел словно на чужих ногах.

С детства кроме Халана мне полюбились поселок Агние-Афанасьевск и пристань Киселево. Агние-Афанасьевск — село в 90 километрах по шоссейной дороге от Киселево. Оно расположилось в межгорной долине ключа Большая Бора. С севера, запада и востока село зажато тремя высокими крутобокими сопками, и лишь южная сторона открыта для большого солнечного света.

Зимой сопки, как богатырские щиты, так надежно заслоняют поселок, что снежные бури редки здесь, а снег опускается так плавно, что, кажется, каждая снежинка ложится точно на приглянувшееся ей с поднебесной высоты место. И при этом полном спокойствии сверху, от вершин сопки, доносится сказочный гул.

А какое чудо — горный лес в сентябре! Глянешь в любую сторону, и невольно вырвется: «Золото, чистое золото!» И бездумно, очарованный, часами плутаешь лесными тропками — мягкими от игл лиственниц.

...Когда поднимаешься на вершину киселевской сопки и глянешь в северную даль — дух захватывает. Амур, неоглядный, могучий. Тайга... До самого горизонта. Кажется, бесконечно тянутся горные цепи с могучими хвойными деревьями, полянками багульника, непроходимыми зарослями метельчатого ерника, черной ольхи, ржаво-войлочными коврами мхов с топкими и вязкими марями, с малыми и большими звонкими ручьями. Там, в таежных зарослях, живут крупные, высоконогие лоси с «серьгой» на шее и тяжелой «лопатой» — рогами на голове, стройные изюбры с желтоватым «зеркалом» у хвоста, лохматые медведи, поджарые, неутомимые в беге волки и увальни-росомахи — гроза белок, бурундуков и рябчиков. А вот пушистые запасливые белки, черные осторожные глухари, хохлатые доверчивые рябчики, кудахтающие бесовским хохотом белые куропатки, большеклювые умные вороны, рыже-серые сойки с пушистым оперением и длинным хвостом, очень подвижные

и крикливые акробаты-поползны, сказочных расцветок бабочки и зеленые кузнечики-трескуны...

Как забыть такое?

И вот, окончив институт, с дипломом учителя возвращаюсь я в родные места, в мою Ульчию, домой...

ДЕЧУЛИ

Анатолий Демьянович — мой старый товарищ. Мы познакомились с ним еще в молодые годы. Тогда я только приехал в Агние-Афанасьевск преподавать в школе ботанику и зоологию. А он был лесником.

Ульч небольшого роста, круглолицый, с мягкой походкой, подвижный, не умеющий и секунды побыть в спокойном состоянии, Дечули сразу и безоглядно понравился мне. Мы стали с ним часто встречаться, вместе ходили на охоту и рыбалку. Сколько удивительных вечеров подарил мне Анатолий Демьянович! Прекрасный рассказчик, большой знаток тайги, он завораживал своими рассказами: время не замечалось, забывались неприятности дня, отступали куда-то заботы.

Я много раз пытался воспроизвести на бумаге его рассказы, боялся пропустить какое-нибудь его слово или словечко, старался в точности передать его жест, мимику, взгляд — ничего не получалось, все выходило не так. Другой раз написанное выглядело нереальным, нежизненным, плохо скроенной небылицей. Я снова и снова брался за перо, восстанавливал в памяти вечер у Дечули, его, как заверял он, совершенно достоверные истории — и терпел очередное поражение.

С тех пор прошло много лет, мы с ним уже давно стали седыми, но до сих пор не научился я точно определять, где в его рассказах вымысел, а где действительный случай. Он же открыть свой секрет пока не спешит.

Работая над этой маленькой книжкой, добрым словом поминая Анатолия Демьяновича, я отобрал многие из его рассказов, окрашенных добрым юмором, любовью к природе.

ШАТУН В ДЕКАБРЕ

— Тебе приходилось лаять по-собачьи? — хитро прищурилась, спросил меня Анатолий Демьянович. — Нет, серьезно, приходилось? — настойчиво переспросил он. Я пожал плечами, сиюсь припомнить нечто подобное, а он продолжал, несколько в общем-то не интересуясь тем, что было со мной, а чего не было.

— Как-то шел я лесной просекой, на лыжах, сам понимаешь. Вечереет, в распадках уже, понятно, и вовсе темно. Спешу, значит, шаг пошире держу, благо, снег хороший, а лыжи камусом подшиты. Только из распадка поднялся — нá тебе! — медведь! А месяц какой? Декабрь! То-то! Понял небось, что не какой-то там медведь передо мной, а шатун? Потому как все добрые медведи к тому времени по берлогам на зимовку устроились. Что делать? Назад — далеко. Вперед — рисковать жизнью... Что, если пролаю? Может, уйдет с дороги?

— Гав! Гав! Гав-гав! — Анатолий Демьянович, слегка нагнувшись, исполнил роль злого пса и продолжал: — Стоит. Даже не шелохнется. Я тоже не двигаюсь, а в груди: тук-тук, тук-тук. Делаю шаг, второй... «Стоп! Хватит!» — скомандовал себе и снова: — Гав! Гав-гав! Гав! Ррр! — и чуть-чуть подался вперед. Опять стоит! Я зашагал в обход, не снимая с него взгляда, а у самого веки дергает, в глазах рябит. И только сделал несколько шагов, как хозяин тайги преобразился в непонятную фигуру. Стою и глазам своим не верю: обгорелый пень!..

ХИТРОСТЬ ЗВЕРЯ

— А знаете, Федор Харитонович, — рассказывал он в следующий раз, — медведица с медвежатами всегда старается залечь до выпадения снега, потомство сохраняет. А вот самцы-медведи после первого снега ложатся. У другого дупло заранее

облюбовано. Так он, не доходя до дупла метров десять, разворачивается и задом движется к дереву. По следу можно подумать, что он покинул выбранное место. Вот так и обманывает неопытного охотника.

МЕДВЕЖЬЯ ШУТКА

— Пошел я как-то с Василием на Пильду харюзков потягать, — начал очередную байку Анатолий Демьянович. — Ну вот, стал на перекате Кривом, снасти, как полагается, приготовил, настропалил и только забросил — есть! Вот такой харюзище! А Василий остался ниже по течению, у него свое место любимое. Выволок я этого харюза и снова удочку забрасываю. И снова — поклевка. Минуты не прошло, у меня уже с десяток, да все как на подбор. Жалко мне Василия стало, зову, чтобы ко мне шел. «Счас», — кричит. Я долг свой товарищеский исполнил да и продолжаю себе харюзков выуживать. Только кто-то торк меня в плечо. «Ага, — думаю сам себе, — Василий явился». «Давай, — говорю, — становись выше». А глаз с поплавка не спускаю, чего ради поклевку зевать. Сказал так, а он снова торк меня в плечо. Тяжеленько так тронул, аж озлился я. «Не мешай!» — крикнул со зла и локтем шурнул: отцепись, дескать. И тут как ахнуло меня, в глазах круги и искры разноцветные. Чую, лечу ласточкой. В воде очутился, в Пильде вода, сам знаешь, какая холоднющая. Враз вынырнул, как ошпаренный, глаза по плошке, на Василия думаю: «Ну, брат, ты сейчас у меня получишь!» Только не вижу его нигде, ясное дело, думаю, прячется, игрушки нашел!.. Выхожу на берег, глядь, а недалеко так, шагах, не соврать, в двадцати, ломит от меня сквозь тальники медведище. А ты говоришь...

И Анатолий Демьянович, видно, чувствуя мое недоверие к правдивости рассказанного случая, укоризненно посмотрел на меня.

ПЕРВЫЙ ЭКСПОНАТ

Анатолий Демьянович Дечули в те первые дни нашего знакомства стал организатором школьного зоомузея. Конечно, все произошло случайно. Анатолий Демьянович раньше и мысли такой в голове не держал — зоологический музей, но именно с его легкой руки начался наш музей. В нем за короткое время появились чучела белки с зайцем-беляком, колонка, сойки с кедровкой, самого настоящего краснوبرового красавца глухаря и разной мелочи вроде воробьев и синиц.

Но первым экспонатом нашего музея, его, так сказать, основой стало чучело бурого медведя, сделанное Анатолием Демьяновичем.

Этот медведь ранним майским утром всполошил весь поселок, прошеествовав его улицами с севера на юг. Спohватившиеся охотники, пока взялись за ружья да искали подходящие заряды, выпустили его из виду. Бросились туда-сюда — безрезультатно, косолапый гость как сквозь землю провалился. Раздосадованные охотники уже собирались разойтись по домам, как на них вылетели из крайней избы перепуганные старики — дед да бабка Панкратовы:

— Люди!..

Охотники все поняли — бросились к стариковской избе...

Потом, оправившись от испуга, дед Панкратов рассказывал:

— Сплю я, как то полагается, сон свой зоревой досматриваю. Только слышу, в сенцах шум, возня какая-то. Думал, что Тузик: собачка наша с вечера в сенях задержалась. Ну, думаю, дам тебе, негодная! И поднялся трепака ей задать. Встал с кровати, ноги в шлепанцы сунул — и к двери. И уже в крик изговтовился, Тузика, значит, пугать, а как глянул!.. Маменька родная, стоит он по-человечьи на двух ногах, в лапах Федюшин велосипед держит, а велосипед весь восьмеркой изогнут. Я-то рот открыл, а закрыть сил нет. Потом уж сообразил, что таким поведением запросто сыграю на медвежью руку, кхх... лапу. Подумал так да быстрехонько за дверь — юрк! Хотел уж и кряю-

чок накинуть, да куда там!.. Он-то, леший, уже успел за ручку с другой стороны ухватить и на себя тянет. Я ровно как в сказке той, про репку, кричу: «Баба, подсоби!» Кое-как притянули дверь, я крючок накинул и команду бабке: «В окно давай!» Ну, а тут и ребята подоспели.

Что говорить, вовремя подоспели охотники!

Так появился первый экспонат нашего музея.

АММОФИЛА

Дечули построил летнюю кухню. Стены из старых нестроганных досок портят вид, а штукатурить сразу нельзя. Выручил свояк-киномеханик: дал ему старые цветные киноафиши. Анатолий Демьянович обвешал ими стены, и в кухне стало светлее, уютнее.

В воскресенье он пригласил нас на обед. Только расселись за столом, как из-за афиши донесся необычный гул.

— Что там у вас?— спрашиваю Анатолия Демьяновича.

Отвернули угол афиши, а под ней слепленный из глины трубкообразный домик, размером с автоматный патрон, и аммофила.

Что такое аммофила? Она из семейства осиных, длиной чуть более двух сантиметров, с вытянутой грудкой, с головкой, как у мухи, остроконечным брюшком размером с каплю воды, которое держится словно на волоске, кажется, вот-вот она его потеряет. Задняя пара ног в два с лишним раза длиннее передних...

Следующим днем я установил за ней наблюдение. Как только услышал гул, так осторожно приподнял угол афиши и замер. Аммофила работала над седьмой секцией. Принесла комочек глины, прилепила к обоям, загладила и снова улетела. Вернулась примерно через полминуты. Летит тяжело, но бесшумно, задние ноги висят, как у цапли на взлете, во рту комочек сырой глины величиной со спичечную головку. Вес для нее со-

лидный. Сырая глина тяжелая. Свое приношение аммофила при-
ткнула к краешку начатой трубки и задвигала передними лап-
ками, словно руками, сдавливает с двух сторон, хоботком по-
правляет, наращивая кольцеобразную ленту, постукивает уси-
ками: проверяет, все ли правильно сделано. Ни дать ни взять, ув-
леченный работой гончар. Сама, согнувшись в чудо-талии, при-
близила брюшко к крылышкам и быстро-быстро начала делать
короткие взмахи. Крылья слились в сплошной диск, издавая
визжащее жужжание, напоминающее звук работающей цирку-
лярной пилы.

Уложив как надо глину, аммофила залезла вовнутрь, про-
верила, можно ли поместиться, или еще надо долепливать. Вы-
лезла, почистила лапками усики и полетела за другим комоч-
ком глины. Через полминуты опять в кухне. Строительный
материал рядом — глинистая лужа на дороге.

Так мастерица прилетает каждую минуту. Прошло десять
минут, и добавилась новая секция. Аммофила исчезла. Прохо-
дит час, другой... Солнце давно скрылось за сопку, а ее все нет
и нет.

Утром другого дня опять завизжала «пила». Я к ней, а она
запечатывает отверстие. Почему не запечатала с вечера? Труд-
но сказать.

Хозяйка улетела. Я быстро убрал сырую глину и увидел
сизый шарик — яйцо. Вскоре прилетела аммофила. Сразу заме-
тила вскрытую секцию и тут же ее запечатала. А потом еще
долго-долго топталась на месте: беспокоилась — не брак ли
в работе?

Принесла еще комочек глины и начала лепить новую сек-
цию. Это была уже восьмая. Идет время. Ежедневно прибав-
ляется по одной секции: девятая, десятая... Вдруг неожидан-
ность: из сырой ячейки торчат какие-то волоски. Осторожно
выгреб содержимое ячейки и увидел шесть неживых паучков.
Явно корм заготавливает для будущего потомства. А что же
в соседней секции? Ну-ка, рискну, аккуратно вскрою еще одну
ячейку.

Вскрыл. И что бы вы думали? Опять паучки запечатаны.

Когда же она их наносила? Либо поздно вечером, либо рано утром обнаружила семейство паучков и всех, вероятно, принесла. Пересчитал — их было тринадцать.

Непонятно — яйца не откладывает, а консервирует пищу?

Мне еще больше захотелось узнать, какой же нужен личинкам запас пищи? А может, это корм для молодых аммофил? Выйдут на свободу, пищи не смогут добыть, вскроют кладовую и будут набирать силы. Решил открыть еще одну ячею. Надо же дело исследования довести до конца. Насекомое не обидится: я ведь не забираю, а все возвращаю на место.

Вскрыл, но тут было совсем другое — маленькая, бледно-желтая, ребристая, похожая на театральную гармошечку личинка. Видно, только что вышла из маленького домика в просторный. Здесь можно будет свободно развиваться.

После обеда явилась хозяйка и обнаружила много беспорядков. Опять завизжала «пила». За полчаса все было восстановлено и выглядело как прежде. Глиняный домик из десяти комнат-секций смотрелся как часть боевой пулеметной ленты.

Шли дни. Аммофила не появлялась. Но на шестой день опять послышался звук визжащей пилы — пристраивалась еще одна секция, только не в прежний ряд, а сбоку. Секция не запечатывалась несколько дней. Обеспокоились: «Не случилось ли что?» И только через неделю ячея была закрыта. Спрятала что-либо или отложила яйцо? Но это для меня был секрет.

— И не узнаешь! — восторжествовал почему-то Анатолий Демьянович. Поднял вверх указательный палец: — Дело-то у нее, пойми, секретное. Она аммофильчиков, детей своих, значит, производит. А это всегда было тайной тайн. Или не так что? Я вот подумал, Харитонович, завтра возьму да привезу глины, чтоб... а то куда ей летать приходится. Поблажку ей хочу дать, пусть трудится, чтобы детишек побольше было.

На следующий день он привез глины, позвал меня:

— Харитонович! Глянь, хватит ли для нашей аммофилы?

Потом отвернулся и, как бы стесняясь, проговорил:

— Тебе спасибо. Я-то вишь, как-то проглядел их... аммофил.

АСЯ

В те сенокосные дни, жаркие, с густым ароматом скошенных трав, принес Анатолий Демьянович к нашим палаткам аиста. Да, настоящего аиста: длинноногого, длинноклювого, неказистого.

— Пап, а как звать его будем?— поглаживая рукой по спине птицу, спросил любопытный Сашка: боялся, наверное, что отец отпустит ее на волю.

— Это кто у нас — аист? Так и давайте звать — Ася,— не задумываясь, сказал Анатолий Демьянович.

— Ася! Ася!— закричали ребята.— Давайте хлеба ему дадим и рыбных консервов.

Нанесли всего. Но тут же были огорчены: аист такого угощения не принял, а, ознакомившись с людьми и видя, что его никто не держит, спокойно прошептал к выходу палатки, высоко, важно поднимая свои длинные неуклюжие ноги.

— А ну, друзья, за лягушками!— приказал Дечули. Ребятня мигом сбегала на ближнее болотце. Аист увидел висевшую в руке одного лягушку и побежал навстречу. Женька испугался, бросил лягушку под ноги птице. Аист мигом схватил ее и подбросил, как фокусник, заглатывая, клювом прищелкнул два раза, словно поблагодарил за угощение. Ребятишки, опешив от такого быстрого исчезновения лягушки, стояли в недоумении, разинув рты. Аист приблизился к ним и, обходя одного и другого, решил проверить, не спрятали ли еще где-нибудь лакомую пищу.

— Сань, Сань, бежим еще на болото. Теперь знаем, что он любит,— на ходу договаривала Зоя...

Переночевав в палатке, аист не отходил от ребят.

— Ася, пойдешь сено грести?— шутили ребята. И аист, словно поняв, пошел за ними. Все принялись грести сено, а аист важно ходил рядом и склевывал с косовицы притаившихся кузнечиков.

Санька сделал вид, что ловит кузнечика: пробежал немного, вытянул руки вперед и шлепнулся на душистое сено. Вста-

ет, а аист стоит рядом и ждет: авось и с ним поделаются. Угосщения не было, но Ася не огорчился и при повторной шутке с распростертыми крыльями опять вовремя подоспел к еще лежавшему шутнику, радостно захлопал крыльями: он принял игру.

Поехали домой за продуктами и взяли с собой аиста. Стоило появиться ему во дворе, как все живое всполошилось. Куры с кудахтаньем разлетелись в разные стороны и не решались зайти во двор до самого вечера. Собачка без лая уступила дорогу незнакомцу, а кошка, распушив хвост, сгорбившись и озираясь, сердито мяукала. Аист как ни в чем не бывало хозяином ходил по двору и знакомился с новой обстановкой.

И все бы хорошо, но вот беда: уже два дня Ася у нас, а от предлагаемой пищи отказывается. Приняли решение: отвезти аиста опять на покос и выпустить у болота, иначе погибнет с голоду.

Анатолий Демьянович подготовил мотоцикл. Сашка с аистом сел в люльку. Подъехали к заболоченному месту и выпустили птицу. Прощаясь с Асей, мальчуган погладил ее по спине, обнял за шею, прижал голову к щеке и с подавленным настроением подошел к мотоциклу.

Мотоцикл загудел и ровно выехал на дорогу. Саша, повернувшись, не спускал глаз с аиста. Вдруг как закричит: «Бежит! Бежит за нами! Папка, смотри!»

Дечули оглянулся: аист с распростертыми крыльями бежал за мотоциклом.

— Надо прибавить газу, может, отстанет,— и он включил вторую скорость.

— Бежит! Не отстанет!

Прошли поворот, и опять видно, как с большим напряжением на подъем бежит аист.

— Проеду еще. Может, отстанет.

— Бежит!

Не выдержали нервы. Мотоцикл остановился. И аист через минуту был уже рядом.

— Милый, прости меня. Загонял я тебя. Ведь ты пробежал

больше километра,— извинялся перед Асей Дечули, поглаживая длинную, гибкую шею птицы.

— Пап, возьмем его...

— Ну, как не взять такую птицу. Это же настоящий друг, а мы хотели его бросить. Сажай к себе, повезем домой... Но только чтобы к вечеру была свежая рыба.

— Вы его только не выпускайте со двора,— попросил дома Саша и, схватив котелок, удочку, побежал на ближнее озерцо.

Через два часа перед аистом поставили котелок с плавающими гольянами. Ася, не раздумывая, принялся выхватывать из воды темноспинных гольянов. Отдельные рыбки падали на землю, и он их сразу подбирал.

— Ешь, ешь! Проголодался ведь здорово. Я тебе к ужину еще наловлю,— приговаривал Саша.

Вечером начали готовиться ко сну. Принесли тазик, налили воды и стали по очереди мыть ноги. Аист с удовольствием наблюдал. Иногда высоко вскидывал голову. Принесли и ему тазик с водой и, чтобы привлечь его внимание, пустили в тазик несколько живых гольянов. Ася ступил обеими ногами в тазик и начал ловить рыбок. Выловил всех и остался стоять в тазике. Его не стали беспокоить. Легли спать.

Проснулись утром рано и сразу к аисту, а он стоит в тазике на одной ноге и спокойно дремлет, засунув клюв под крыло...

По утрам Ася прогуливался по поселку. Зайдет в пруд, важно, широко ступая, пройдет по ключу. Страсть как любил посещать людные места. То наведается к ребятишкам детского сада, то придет к столовой, а то не поленится подняться по многочисленным ступенькам продуктового магазина.

Идет с работы Любовь Федоровна, увидит аиста и зовет:

— Ася! Ася! Домой, обедать пора.

Аисту понравилось, что его ежедневно в обед угощали свежей рыбой, и, нагулявшись, к полудню он уже ожидал хозяйку дома.

Прошел месяц, и неожиданно для всех аист поднялся на

крыло, полетел над домами, закружил над школой. Всполошились ребята, бегают, орут:

— Ася! Ася, ко мне!

— Ася, садись!

Аист был неумолим. Он полетел вдоль пыльной дороги и скрылся.

— На болото полетел. Откуда привезли,— сказал обеспокоенный Саша.

— Не вернется теперь уже,— сказал кто-то из ребят.

— Это он полетел к своей подруге. Мы с папой ездили на покос и видели, как она долго стояла на стоге сена,— почти в отчаянии проговорил Саша.— Придет папа с работы, я его попрошу съездить. Может, он там будет.

Мальчики, расходясь по домам, делились разными догадками. Через час, другой, третий, на улице давно умолкли ребячьи голоса.

И вдруг... Зоя первой увидела возвращающегося аиста.

— Смотрите! Смотрите! Ася летит! Бежим, Сашке скажем!— крикнула она.

Аист опустился в центре села. Ребята окружили его. Кто гладит по спине, кто за шею нежно трогает.

— Я же говорил, что вернется,— с гордостью заявил Саша.— Он от нас никуда не улетит. Он наш.

ЛОПОТОША

Лопотоша — это гусь, белый, важный, ухоженный, любимец Любви Федоровны. Она его вырастила, можно сказать, от смерти спасла.

А дело было так...

Надежда Акимовна, соседка Дечули, подложила под квочку пять гусиных яиц. Прошло тридцать дней, и вывелся, к огорчению хозяйки, всего лишь один гусенок. А тут еще, как назло, квочка бросила обучать его куриным правилам — за непослушность.

Некому обогреть малыша. Стал он на вид невзрачным. Птицы хозяйского двора подумали, что он приболел. Лечить сами не могут. И решили воспользоваться своим, птичьим, законом: заклевать больного, а то, чего доброго, и другие могут заболеть. Как только приблизится малыш, так куры, гуси норовят его ткнуть. Курица легонько клюнет, а гусенку покажется, словно пика вонзилась. Особенно страшны для него были гуси, хотя и родственники по крови. Гусиный великан щипнет слегка, а малявке много ли надо?— больно ему станет и обидно. Отойдет в сторону, нахохлится и, видимо, подумает: «За что же это они меня так не любят? Я ведь им ничего плохого не делал».

Собралась ехать в гости Надежда Акимовна и попросила соседку присмотреть за сироткой. Любовь Федоровна охотно согласилась. Стала его отдельно кормить творожком, куриным яйцом, поить молочком. Да еще травки нарубленной с теплой водичкой даст. Заметит, что он мерзнет, погрееет в ласковых руках. Прижмет к груди и теплым дыханием обдаст. В ненастный день у печки погрееет, а на ночь под одеяло к себе возьмет. Запеленает, как маленького ребенка, только голова выглядывает. И тут же услышит: «Ти-ти, ти-и-и, ти-ли-ли». Хорошо, дескать, мне. Поблагодарит гусенок за внимание и заснет.

Прошел месяц, второй, гусенок подрос, похорошел и привязался к Любви Федоровне. Куда ни пойдет она, туда и он побежит.

Однажды на веранде занималась она своим делом, а он, увидев ее, как побежит к ней да как залапотит широкими лапками. словно ребенок от радости громко захлопал в ладоши.

— Кто же это бежит?— не отрываясь от работы, сказала Любовь Федоровна.— А-а-а! Лопотоша!— И добавила:— Ну-ну, вот так мы и будем тебя звать: Ло-по-то-ша. Понял, Лопотоша?

С тех пор только и слышно во дворе:

— Лопотоша, ты где? Не обижают тебя, Лопотоша?

«Га-га-га!» Тут, мол, я, тут, все в порядке, откликается понятливый гусенок.

— Лопотоша, я пошла в огород.

«Га-га!» — догоняет ее воспитанник.

Полюбила Любовь Федоровна безбидную птицу, как ребенка. И он по-своему отвечал на ласку. Не отстает, ходит по пятам, боится из виду потерять хозяйку. Пойдет Любовь Федоровна корову доить, присядет на корточки, и он, словно подражая, тоже присядет рядышком и все говорит что-то по-гусиному: «Кра-кра, кра-кра!»

— Молочка хочешь? Знаешь, что вкусно?

«Га-га!» — соглашался маленький друг.

— Сейчас, обожди немножко. Парным напою. Расти быстро будешь.

Ну, а если в магазин приходилось идти или за ягодой, грибами, в общем, надолго уходить из дому, так это была настоящая беда. Заметит, что хозяйка готовит сумку или корзину, ходит по пятам, мешается под ногами. Чтобы избавиться от него, надо было идти на хитрость: заманивать в огород и закрывать. А потом гусенок, как только услышит голос, гогоча, бежит к калитке, тычет окрепшим клювом в нее, кричит: «Кра-кра!» Выпусти, мол, меня, я соскучился. Любовь Федоровна возьмет его на руки, приласкает и пообещает больше не закрывать.

В свободное время Любовь Федоровна присядет на травку, ласково поговорит с Лопотошей, погладит по спине, по голове. А он в свою очередь старается по-гусиному выразить свою ласку: лезет на колени, просится даже на руки.

Шло время. Лопотоша рос и рос. Осенью он был уже настоящим гусем, а дружить со своими сородичами так и не стал. Видно, держал в душе давнюю обиду за то, что те обошлись с ним грубо в трудное для него время. И к хозяйке своей, Надежде Акимовне, не вернулся. Та пришла как-то к Дечули в гости, посмотрела, как неотвязно преследует Лопотоша Любовь Федоровну, как ластится к ней, и сказала:

— Пусть у вас и живет. Без тебя, видно, с тоски умрет.— Она погладила Лопотошу по блестящей крепкой спине и ушла. А Лопотоша остался навсегда у Дечули.

ЛЕСНОЙ БЫК ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Анатолий Демьянович как-то сказал мне:

— Если ребятам сохатку захочется посмотреть живого, то можно сводить их на Карасиное озеро.

— Неужели сохатые подходят так близко к жилью?— удивился я.

Как-то с вечера сказал детям, чтоб приготовили, кто хочет, конечно, свои рыбацкие снасти, а утром на зорьке пойдем поудить карасей на озере. Про лося ничего не сказал. Зачем? А вдруг никакого лося там не окажется, как потом объяснить, откуда я взял, что он по утрам приходит сюда? Не захотел ставить под удар Анатолия Демьяновича.

Перед ужином проверил свои удочки, заменил на новый пробковый поплавок, подстроил крючок. Миша и Зоя, наблюдая за моими сборами, принесли свои крючки. Я подточил их. О сохатом опять ни слова.

Поднялись мы рано. На досках крыльца литыми каплями лежала роса. Мы шли по тропе к излюбленному месту, где не раз подкармливали и ловили карасей. Темно, еще не рассвело как следует, заря только наметилась узкой полоской над сопками. Вокруг тихо, свежо и как-то тревожно. Вдруг на озере — бултых! Да так сильно, что мы разом остановились. Ребятишки аж присели испуганно. А вода шумит, будто кто-то полощет на озере мокрую тряпицу. Мои рыбаки сгруппировались около меня и круглыми глазами спрашивают: «Кто это?» Я палец приложил к губам, прислонил удочку к кочке и, нагнувшись, стараясь не шуметь, подошел к озеру. Как только заблестела передо мной зеркальная полоска, раздвинул руками густой высокий осоковый, и все прояснилось.

Лось стоит по грудь в воде и, чавкая, пережевывает что-то. Съел, плюхнул голову в воду и тут же вынул, а у него ни головы, ни рогов — все обвешано водяными кувшинками. Я приподнялся, чтобы лучше рассмотреть его. Зверь вскинулся тотчас же, уловил шорох, рванул к берегу, на выходе из воды зачмокал звучно ногами, увязая в илистом дне, мощно встряхнулся всем телом, шагнул на сухое и был таков — исчез, растаял в серебристом рассветном тумане.

— Зачем он лазил в воду? Купался? — посыпались на меня вопросы пришедших в себя от только что виденного чуда ребят. — Что он ел?

— Лось ночью спасается от гнуса, стоит в воде, а заодно и лакомится сочными кореньями кувшинок, — объяснил я. — Помешали мы ему как следует позавтракать.

— Это сохатый или лось? — вдруг спросил Миша.

— Лось и сохатый — одно и то же, — улыбнулся я. — Этого лесного быка называют лосем за гладкую, короткую шерсть, которая лоснится. Лоснится — лось. Чувствуете созвучие слов? В народе лося еще называют сохатым — оттого, что рога самца похожи на обыкновенную крестьянскую соху.

Вечером я зашел к Анатолию Демьяновичу, молча вручил ему низку отборных, золотисто посвечивающих карасей на тальниковом пруте-кукане. Он поглядел на них, улыбнулся:

— С Карасиного?

Я кивнул утвердительно и рассказал про лося-великана.

— А знаешь, как я его зову? — спросил Анатолий Демьянович. — Ильей Муромцем. Да, Илья Муромец, — упрямо повторил он.

ЛЕСНЫЕ КУРОЧКИ

Пришла пора сенокоса. Мы шагаем на луг тенистой тропкой. У Анатолия Демьяновича и Любви Федоровны на плечах грабли, у меня — вилы-тройчатки. Остановились у края лесной поляны.

— Вот отсюда и начнем грести,— сказал Анатолий Демьянович.— А вон там у меня и сани приготовлены — ходячее остожье. Я их по снегу еще затащил, чтобы не делать лишней работы.— И добавил свое излюбленное:— Видите, какой я ловконький.

Я согласился:

— Ловконький, ловконький, ничего не скажешь.

Натерлись мазью от комаров и мошки, которых здесь, в затишье, кружило целыми роями. Я взял любимый инструмент — вилы, а Дечули — грабли. Заняли три скошенных валка, и зашуршало душистое, салатного цвета, лесное сено. Я сразу подумал: «Так вон чем пахнет вкусное молочко Красотки!»

Еще в детстве меня приучили на покосе работать только вилами. Вот и сейчас: поверну вилы, да вот так — от себя, от себя, поднимаю край рядочка на валок, и мое сухотравье скручивается, скручивается. Накрутил клубок сена, воткнул в него вилы, поднял навилень и понес к остожью. Только повернул к следующему накрутку, как раздался восторженный голос Любви Федоровны:

— Смотрите! Лесные курочки идут!

Я обернулся. Цыплята глухарей, рябые, с длинными шейками и высоко поднятыми головами, шагают друг за другом, да так спокойно, как будто бы абсолютно никаких и врагов у них нет.

Любовь Федоровна, собираясь осторожненько взять одного, молвила:

— Милые! Вы что, летать не можете?

Впереди идущий цыпленок-глухарь поднялся на крыло. Я взглянул в сторону его лёта: на дереве сидела глухарка-мать и негромко вквотала.

Любовь Федоровна так и замерла на полушаге, и выводок пошел дальше своей дорогой. Мы не двигались. Улыбались, с любопытством смотрели на глухарят. Я насчитал их целый десяток. Ничего, добрая семейка!

СЕДАЯ МЕДВЕДИЦА

На Учуме произошел у нас с Анатолием Демьяновичем такой случай. Нам полюбились те места, и мы чувствовали себя там, как у себя дома. В общем, утратили всякую осторожность. И в слухи про седую медведицу, которая якобы объявилась в округе, верили мало, принимали за подтрунивание. Ведь сколько раз вдоль и поперек хожено было, а и следа не видели.

— Браки,— отмахивался Анатолий Демьянович.— Браки все, Харитонович. Поехали.

И мы отправились в очередной раз на Учуму на его мотоцикле с коляской. Только набрали ягоды полные короба, как услышали в придорожном малиннике какую-то возню и сопение. Дечули первый почувствовал неладное, посмотрел на меня предостерегающе и шепотом приказал:

— Стоп, Харитонович!— Прислушался, даже ладонь к уху приложил.— Она!

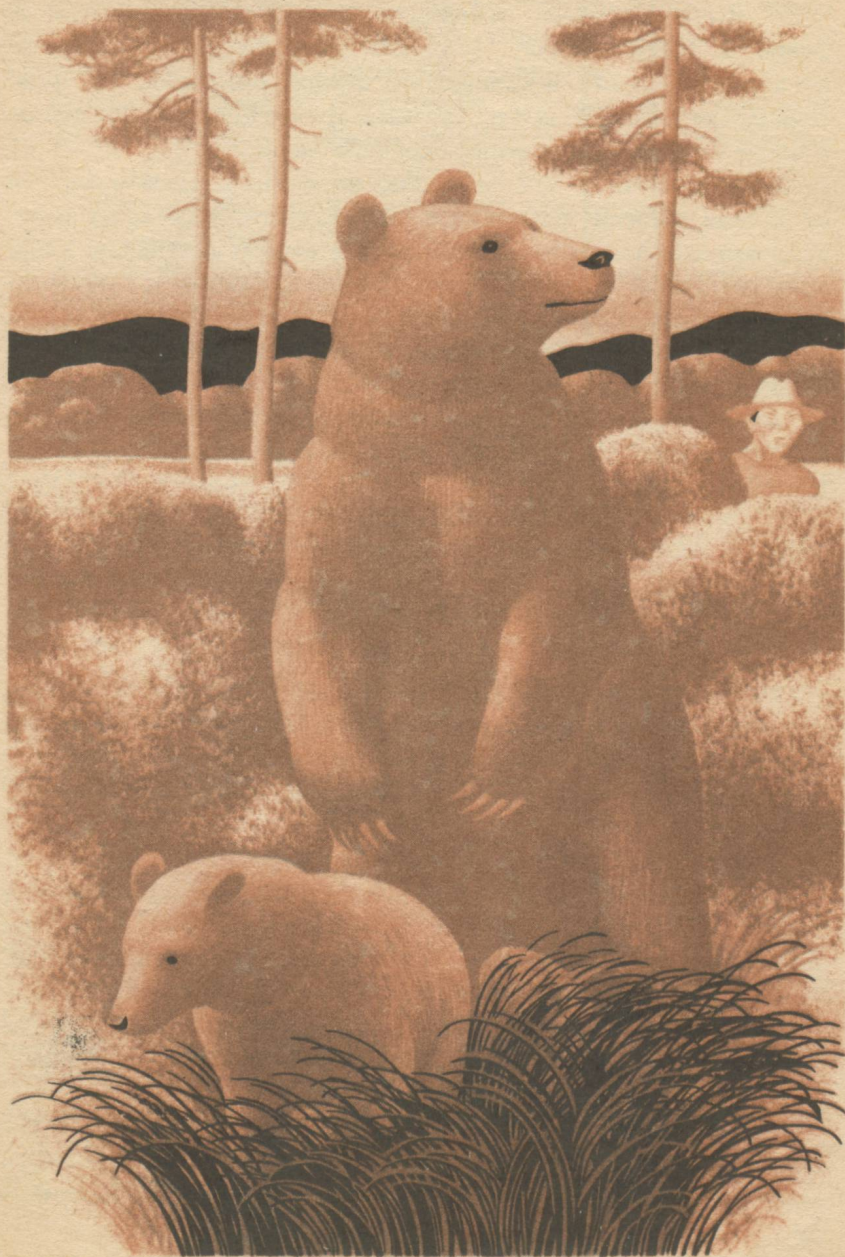
— Кто она?

— Она, белая, седая... Быстро давай, но тихо. Тихо же!— уже сердясь на мою неловкость, прикрикнул он.— Короба в коляску, живо! А я гляну, может, не она вовсе.

Он крадучись направился к малиннику.

Соблюдая всяческую осторожность, я начал укладывать короба в коляску, а одним глазом приглядывал за Дечули. Настороженно, смешно выворачивая ноги, шел он к опасности. Его старая, выгоревшая на солнце шляпа казалась в этой обстановке верхом нелепости, как и короткий нож в руке, который он быстро вытянул из-за голенища сапога. Что, он медведицу ножом этим возьмет или, того пуще, шляпой?

Тем временем он подошел вплотную к малиннику, вытянулся, заглядывая в сплетение кустов, привстал на цыпочки, но тут же быстро присел и попятился, держа нож по-боевому. А из кустов, ломая ветви, подминая их под себя, вывалилась медведица — бурая, с серебристыми блестками на загривке. «Она, седая медведица!» — как обожгло меня.

— А-а-а! — коротко вскрикнул Анатолий Демьянович и, сорвав с головы шляпу, с силой швырнул ее в разгневанного зверя. — А-а! — вскрикнул он второй раз, видя, как медведица, перехватив шляпу в полете, хлопнула ее о землю и снова пошла, воздев вверх передние лапы.

Трудно сказать, что было бы, не появившись следом за ней из кустов малины медвежонок. Завидев его, медведица рывкнула оглушающе, резво повернулась к своему детенышу, хлопнула его лапой по заднице, подхватила в охапку и, недовольно поуркивая, скрылась в кустах.

Анатолий Демьянович остался перед разорванной шляпой. Поднял ее, принес мне:

— Вот, держи, трофей называется. — Деловито оглядел, как я уложил короба, и как ни в чем не бывало спросил: — Ну что, поехали?

ПУШОК-ИНТЕЛЛИГЕНТ

Нравится мне у Дечули бывать: все у них как-то просто, непринужденно, приветливо. Словно в своем доме. Так и хочется что-то доброе сделать в знак уважения.

— Может, помочь чем? — обратился я к Любове Федоровне.

— Хочешь, почисть картошечки на суп.

Я взял ведро с картошкой, налил воды в миску, устроился удобно на детском стульчике и принялся за дело. Не успел очистить одну картофелину, как рядом оказался кот Пушок. Подошел и сразу на задние лапки присел. Мелькнула мысль: «Служить, наверное, приучен». А он, приподнявшись, положил лапку на мою руку и, запустив когти, слегка потянул к себе. Дает знать: «Дай мне».

— Картошечку любишь? — Я бросил на пол очисток, а сам вспомнил: раньше у меня кошка Мурка любила есть сырую картошку. Часто задумывался: почему ест сырую? Витамины

нужны! Крахмала много в сыром картофеле. Чтобы не засорять Муркин желудок, я давал ей очищенную картошку. Бро-сишь кусочек, а она — хрум-хрум и проглотит.

Пушок к очистку не притронулся. Подтянулся к моей руке и снова выпустил отточенные о еловую стойку крючковые когти.

— Что же ты, Пушок, попросил картошечки, а сам не ешь? — сказал я ему.

Любовь Федоровна услышала разговор и засмеялась:

— Федор Харитонович, он с пола не берет, только с рук. Интеллигент он у нас.

Опять когти вонзились в мою руку, и мне показалось, на сей раз сильнее.

Отделив кусочек картофелины, я предложил ему угощение с руки. И явно угодил. Пушок прильнул к полу и захрустел ядрено-сочным кусочком. Съел один, попросил еще. Пришлось выдать повторную порцию. Он ее принял так же, с руки. Я, удивляясь, шутил:

— Таких, как ты, Пушок, я еще не встречал.

А Любовь Федоровна мне вторила:

— Он у нас такой... Воспитанный кот.

ХВОСТ ЗДЕСЬ — КОТА НЕТ

Но вот такая история приключилась однажды с Пушком.

— Ольга, дочка, первая заметила, что у него хвоста нет, — поглаживая по спине бесхвостого Пушка, рассказывал Дечули. — Он часто играл своим хвостом. Бывало, закружится вьюном то в одну, то в другую сторону. Отдохнет — и опять вертеться. Дети радовались, хохотали до слез. А Люба моя часто пошучивала: «Разыгрался не к добру». Сашка даже смастерил ему обманку. Бывало, начнет водить «мышь», Пушок пробежит немного за ней, и опять в круговерть. А потом как-то Ольга подошла к столу и как закричит:

— Ой-ей! Хвост здесь — коты нет! Мама! Мамочка! Хвост здесь — коты нет!

Все мигот очутились на кухне: что это за чудо — хвост без коты?

— Что?! Где?!

А она тычет пальцем во что-то, похожее на гусеницу из теплых стран. В тех краях, наверное, бывают такие большие.

— Да во-он!

Люба моя — храбрейшая женщина, а все ж с опаской потрогала хвост ногой: он ли это? Ольга хлюпает без остановки, а Сашка забегал по избе, коты ищет. Заглянул в один, другой угол, шмыг под кровать и его там, бедолагу, увидел:

— Вот Пушок! Смотрите!

Он там беду свою зализывал — кончик оставшегося хвоста. Ну, детям невдомек, как Пушок без хвоста оказался.

— Видно, кто-то нечаянно прихлопнул дверью хвост. Вот и отпал он, — пояснил я. — Болел, болел — и отпал.

А как еще объяснить такую оказию?

— Открутился Пушок, — плачет Ольга.

А Дечули печально улыбнулся. По всему было видно, что ему самому жаль коты не меньше, чем его дочери Ольге.

БУРУНДУЧАТА

— Федор Харитонович, смотрите! Бурундучата! Слепые... Это наш Шарик всё. Можно их спасти? — Саша Дечули держал в пригоршне пять крохотных бурундучат и с отчаянием, надеждой смотрел на меня.

— Не приходилось. Надо постараться.

Прибежали Миша и Зоя, заохали:

— Ой-ей! Какие маленькие!

— А можно потрогать?

— Я возьму его в руки?

Бурундучата маленькие, совсем еще крохотульки, голо-

вастые, слепые, с четырьмя зубиками: два сверху, два снизу. Ножки тонкие и длинные, с большими лапками и острыми коготками. Шубка у них темно-рыжего цвета, с пятью черными полосками вдоль спины. Им было недели две или того меньше.

В ведро мы постелили ваты, поверх нее высыпали их родную подстилку, которую принес Саша. А уж на нее в рядок уложили притихших бурундучат, укрыли старенькой рубашкой...

— Спят, бедненькие.— Зоя бережно подоткнула края бурундучьего одеяла.

К вечеру зверькам сготовили ужин — теплое кипяченое молоко с сахаром. Потревожили ведро — слышались цокающие звуки. Убрали рубашку, а они лежат на спине с открытыми ртами и цокают, подергивая лапками.

— Бедненькие, кушать хотите,— жалела Зоя.

Я не знаток бурундуков-младенцев, больше по наитию советую:

— Торопитесь кормить, пока молоко не остыло.

— Соска для них большая,— чуть ли не со слезами на глазах жалуется Зоя.— А с ложечки все льется мимо. Тряпочку, тряпочку скорее! Облила всего!

— Смотрите! Смотрите! Мой пьет! Ура-а-а-а!— радовался Саша и, прихватив за голову бурундучонка, окунул мордочкой в ложку с молоком.— Смотрите!

— А можно раздвигать кончик соломинки и набирать молоко. Видишь, как хорошо слизывает,— нашел другой способ Миша.

Так что первое кормление в конце концов провели успешно. Но подступила другая тревога: привыкнут ли к коровьему молоку зверьки? Выживут ли? Утром заглянули в ведро, а они лежат недвижимо, взяли в руки — бурундучата как неживые и холодные-прехолодные.

— Отогреть срочно!— приказал я ребятам.

Разобрали зверят, упрятав их в ладоши, через щелку стали согревать своим дыханием.

— Шевелится... Ожил!— первой возвестила Зоя.

— Мой тоже!— тут же отозвался Миша. И вот уже все бурундучата задвигались и опять зацокали — просят есть.

Покормили, устроили подогрев ведра и установили строгий режим питания через каждые пять часов...

Через три дня уже все бурундучата пили молоко с ложечки. И что интересно: не лакают, как котята, а стиснут краешек ложечки зубами и cedят через них молоко. Кормление стало проходить быстро, молоко только подавай. Один выпил две ложечки молочка и сразу упал на бок. Напугал нас. Думали, погиб, а он, оказывается, заснул, насытившись.

На восьмой день дали семечко подсолнуха. Бурундучок взял в лапки, обнюхал его и начал сбоку быстро-быстро точить зубами. Прогрыз дырочку и извлек ядрышко. Второе семечко поспешил положить про запас в защечный мешок. Через две недели наши воспитанники ели все: макароны, блины, зерно, орешки, семечки, бабочек, оводов и мух. Пустили несколько оводов на оконное стекло — бурундучата их мигом поймали и съели. Научились и умываться после еды, забрасывая лапки за уши.

Бурундучата стали большие и забавные. Начали посвистывать, перекликаясь друг с другом. Мальчики ими тешились целыми днями. А в июле мы выпустили на опушке леса пять способных к самостоятельной жизни зверьков.

УДОД

— Федор Харитонович, тухляк, тухляк прилетел!— закричали ребята.

— Что за тухляк? Я такой птицы не знаю.

— Да она чуть меньше голубя, пестрая и на голове большой хохолок,— старались объяснить мне ребята.— А когда летит, словно плывет по волнам. То вверх, то вниз.

— Так это, друзья мои, удо.

Удод — птица пугливая. Но несмотря на это часто гнездится вблизи человеческого жилья. Клюв у него тонкий, длинный, слегка изогнутый вниз, на голове большой веерообразный хохол, который постоянно в движении. Крылья, хвост и полоса на хохле черные, у основания хвоста и на крыльях широкие белые полосы, брюшко беловатое, остальное оперение рыжевато-белое, яркое на груди и хохле.

Молодые удода при встрече с врагом выбрасывают в его сторону вонючую жидкость. Это — действенное оружие. И не зря деды и прадеды прозвали удода тухляком.

ВОРОНЫ СЮРПРИЗЫ

Прогуливаясь по поселку, я увидел на гравийном отвале скопище ворон. Они подскакивали, взлетали, тут же садились, негромко бормотали. Я подхожу все ближе и ближе, а они и не собираются улетать, хотя чем-то заметно обеспокоены...

Вдруг одна подскочила, взмахнула крылом и шлепнулась наземь. Встала на ноги и поскакала, как воробей, быстро-быстро. Вороны скопом ринулись за ней, гортанно поскрипывают, будто говорят: «Давай! Давай! Соберись с силой. Взмахни еще раз... Может, полетишь».

Надо же! Хотят помочь попавшей в беду подруге.

Тем временем ворона-подранок сделала несколько скачков, взмахнула крыльями, взлетела неловко и тут же упала на землю...

С тех пор я стал внимательнее к черным воронам... И скоро заметил большеклювую ворону. Она была крупнее остальных, с белым перышком на груди.

Ворона Белое Перо — так сразу окрестил я незнакомку.

Я стал подкармливать ворон, чтобы чаще видеть Белое Перо.

С восходом солнца летят вороны на поселок из-за сопки широким фронтом. Летят молчком. Торопятся. Одна летит в мою сторону: невысоко, плавно, а у самой голова так и вертится. Пролетела над двором, крунулась и опустилась на столб.

— Белое Перо!

Она приспустила хвост, крылья вытянула вверх, затрясла ими и прокричала изо всей силы: «Ка-а-а! Ка-а-а!»

— Ишь ты! Оказывается, и птицы могут от радости в ладоши хлопать. Не ошиблась, если уверенно зовешь друзей на завтрак.

Тут же вороны стали подлетать и рассаживаться по забору. Заметив съестное, одна отважилась, слетела и стала клевать. За ней вторая, третья... И уже толкучка. Вдруг две вороны вскинулись, клюют друг друга, остальные кинулись их разнимать, клевать в спину. Драчуны не устали. Белое Перо, заметив ссору, встала между ними, и сразу воцарился мир.

Как-то мартовским солнечным днем проходил я по мостику ключа Бори, а там, в сторонке, ворона стоит в воде и гладит клювом спину. Оправив спинку, бока, присела и, как утка на воде, изогнулась, встряхнулась, веером разбросав мелкие брызги вокруг, взмахнула крыльями и выпорхнула из ручья на лед. Опять встряхнулась и трется, трется о шершавый лед боками, грудкой, шеей, головой, да так забавно, ловко, необычно. Я улыбнулся. К чему бы? А следующий день ненастным был. Значит, купалась не зря — к ненастью.

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ

Пурга притихла, и замельтешило воронье, до сих пор прятавшееся где-то от непогоды. В поселке только и слышен разноголосый крик: «Кар! Кы! Ка! Как! Крр!»

Шныряют по дворам — проголодались. А я вспомнил Белое Перо. Жива ли? Куда метель загнала? И осенило: что, если обед сготовить ей? И приготовил... А только отошел — воробышки как тут и были. А Белого Пера нет. Вдруг слышу: «Каррр!» Сидит на березе, ярко светится на грудке белое перо. Перемогла, выходит, моя знакомая и эту непогоду.

Воробышки клюют, дерутся, шумно у них. Белое Перо смот-

рела-смотрела на этот пир да вдруг как ухнет вниз, на этот клубок, и тотчас взмыла вверх, держа что-то тонко попискивающее в когтистых лапах. А воробьи поднялись ей вдогонку, клюют с налету, да так, что полетели перья с моей знакомки. А они все налетают — отважно, дерзко — и с яростью бьют.

Не ожидала Белое Перо от слабеньких малюток такого боя, разжала когти. Воробьи тотчас же отстали от нее.

Я долго стоял, удивленный только что произошедшим на моих глазах. Как отважно, дружно вступились за своего собрата воробьи, эти шумные драчуны! И ведь никто не остался в стороне — все до единого поднялись! Все!

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ СКВОРЦЫ

Конец марта. Снег еще не освободил поля, а уже появился первый вестник весны — большой скворец. Он в праздничном наряде: туловище серое, верх, бока головы и брюшко белые, шея и затылок черные. Клюв у основания ярко-желтый, на конце бурый. Летают скворцы стайками по полям и падам, разыскивают благополучно перезимовавшие куколки, личинки и других насекомых.

В начале апреля начинают они наведываться в обжитые человеком места. Проверяют, сохранились ли прошлогодние домики и появились ли новые. Радуются, когда скворечник освобожден от прошлогоднего строительного материала, любят сооружать гнездо по-своему. У каждого свой вкус и свой подход к убранству «квартиры». И любят, чтобы домик был прикрыт кроной дерева: меньше заметен — спокойнее жизнь. Скажешь, пугливы? Нет, осторожны. Да и не удивительно. Ведь они стали привыкать к человеку совсем недавно — с освоением наших мест переселенцами.

Домиков, как правило, для всех желающих не хватает, поэтому часто устраиваются потасовки. Займут скворцы облюбованный домик и терпеливо отсиживаются. А многие, рожден-

ные в дуплах, сразу отыскивают жилье в перелеске. Устроят гнездо как надо, нанесут яиц, займутся выпариванием, и уже редко увидишь их.

С появлением зеленых листочков на деревьях прилетает малый скворец — светло-серый, в черном фраке, отливающим фиолетовым блеском, с белой «вставкой» на плечах. Чтобы малые скворцы не остались без «квартир», я всегда с ребятами вывешивал для них домики с меньшим отверстием, чем для больших.

В конце мая и начале июня у больших скворцов появляются птенцы. Это самое напряженное время для родителей. Через две-три минуты родители попеременно приносят насекомых и всегда при отлете крикнут громким трескучим голосом: «Сидеть тихо! Не выдавать себя!» И, не снижаясь, быстро летят за кормом. К гнезду подлетают без предупреждения. Ну, а если заметят поблизости кошку, то, рискуя своей жизнью, вступают в единоборство. Пикируют с устрашающим протяжно-трескучим криком, норовя всадить в спину зверю острый клюв. Кошка не выдерживает такой атаки и нехотя уходит в укрытие.

Спустя две недели после рождения скворчат птицы все вместе покидают жилье. Середина июня — время сбора больших скворцов в колонии. Летают тучей над полями, лугами и перелесками, обучая своих детей птичьим премудростям: добывать корм, выбирать себе ночлег...

В конце августа скворцы начинают готовиться к отлету. Но улетают не сразу. Они возвращаются проститься со своими домиками. У давно опустевших скворечников опять слышна песня, только нет в ней былой удали, зато так много ноток грусти...

А ПОДУМАЛИ — МЫШЬ

Как-то в июне произошел у нас такой случай.

— Тихо! Что-то шуршит в печке, — сказала Зоя.

Прислушались: точно. В печке, давно не топленной, снова

раздался шорох, будто кто-то осторожно сминал газетный лист.

— Мышь, кому больше,— сказал я.— Гнездо делает. Мурлыка совсем перестал службу нести.

Зоя побежала за котом. Вернулась, передала мне:

— Я боюсь.

— Пойдем мышь ловить,— взял я ленивого Мурлыку. И, открыв дверку печки, подставил морду кота к топке. Он тут же напрягся и прыгнул в сумрак печи, на шорох. Мгновенье — и выносит в зубах черного как смоль скворца. Схватив кота, мы шлепками потребовали освободить птенца.

— Как же ты оказался в печке?— держа в ладонях перепачканного, взъерошенного скворушку, спросила Зоя.— Вот дурашка!

— Молодой. Не удержался на трубе и свалился. А так бы...— Я не стал договаривать, что было бы со скворчонком, упавши он в настоящую, со сложным дымоходом печь.

Вышли на крыльцо. Зоя подбросила птенца. Он быстро-быстро затрепыхал крылышками и завис в воздухе.

— Ура!

Удержится? Полетит? Время, кажется, остановилось. Ну! Ну же! Полетел неуверенно, суматошно махая крылышками, но полетел. А навстречу ему с высоты с тревожно-радостными вскриками — родители. Узнали своего перемазанного сажей, черного трубочиста.

ДОСАДНЫЙ СЛУЧАЙ

Мы, только сойдя с тропки, наткнулись на семейку сырых груздей и тут же услышали знакомую дробь дятла.

— Хотите посмотреть дятла?— спрашиваю ребят.

— Конечно! А как? Надо подкрадываться к нему?

— А мы пригласим его к себе,— говорю я.

— Да ну! Он не послушается. Это же дикая птица,— засомневались ребята.

— А ну, посмотрим, где тут рядом сухостойное дерево. Ваша задача — стоять тихо и внимательно смотреть на ближние деревья.

Я взял крепкую палочку и подошел к сухому дереву, ударил несколько раз по стволу, подражая дятлу. Постук дятла почти тотчас же прекратился.

— Слышите?— спросил я.— Он признал меня за дятла. Смотрите в оба!— и опять простучал мелкой дробью.

Не прошло и двух минут, как все задвигались, заулыбались, посматривая на меня и тыча пальцами на старую ольху. Малый пестрый дятел прыгал спирально по стволу, грозил невидимому соседу обрывистым, резким писком и затем плавно перелетел на другое дерево, подальше от нас.

— Почему он так быстро улетел от нас? Кто скажет?— спросил я ребят.

— Наверное, не нашел жуков,— первым ответил Миша.

— А вы заметили, как он из-за ствола несколько раз высовывал голову?

— Он в прятки с нами играл,— предположил Миша.— Высунется и снова спрячется.

— А почему он так делал?— Мне хотелось, чтобы ребята сами попытались объяснить загадочное поведение дятла.— Кто скажет?

И пошли споры. Кто говорил, что дятел прилетел потому, что захотел увидеть своего товарища, кто — что он сильно голоден, вот и перелетает быстро от дерева к дереву. Миша снова уверенно повторил, что дятлу просто захотелось поиграть с нами.

— Кое в чем вы правы, но главное не в этом,— остановил я спор детей.— Дятел не любит, когда на его территории объявляется другой родич. Поэтому и летит на стук, чтобы прогнать недоброжелательного собрата. Вы видели, как дятел выглядывал из-за дерева? Опять неспроста! Он сразу заметил нас и принял за врагов, поэтому прятался за дерево и, выглядывая, проверял — не ушли ли мы. И в прятки он с нами не играл. Не до прятков ему было.

Миша все больше хмурился, слушая меня, и вдруг сказал:

— Не надо было дразнить его. Зачем мы дразнили? А ты еще стучал,— укорил он меня и отвернулся. По спине его видел я, что он едва сдерживает слезы.

Чувствуя свою вину за какой-то досадный промах, я поспешил увести ребят от злополучного места. И скоро за нашими спинами просыпал первую дробь ударов успокоившийся дятел. Я видел, как просияло Мишино лицо.

НАКАЗАЛИ

Ласточки, я давно это заметил, любят устраивать свои гнезда в людных местах. Потолки гаража и ремонтных мастерских поселка залеплены причудливыми глиняными домиками.

Однажды с приходом майского тепла наш постоянный житель — воробей — облюбовал один из таких домиков. Вскоре прилетели хозяева «квартир». Одни заняли уцелевшие гнезда, другие приступили к ремонту, а молодым пришлось строить новые. Работа кропотливая, долгая. А тут еще непрошенный гость занял одну «квартиру», и сколько ни предлагали ему убраться, он все отшучивался: «Чирик-чирик!» Вторые сутки сидит и ни разу не вылетел из гнезда. Нельзя: ласточки сразу займут домик. И воробей решил перенести муки голода. «Потерплю еще немного, может, отстанут. Что им стоит построить новый домик. Ведь они — мастера-строители», — наврное, так рассуждал про себя упрямец.

А ласточки то и дело подлетали к нему одна за другой и грозились. Рассердился воробей да как крикнет во все горло: «Чик-чирик! Не вылезу и — баста!»

Ласточки расселись на проводах и стали совещаться. А потом снова подлетели к гнезду, и... закипела работа. Птицы стали залеплять глиной вход в домик. Прилепят комочек, улетят за следующим. Отверстие стало меньше пятикопеечной монеты, а глупый воробей и не думал покидать гнезда.

Шли мимо мастерских ребята и, увидев эту картину, прибежали ко мне. Мы поспешили воробью на помощь. Вход в гнездо был полностью замурован. Осторожно убрали еще не засохшую глину — из гнезда вывалился воробей.

— Эх, не успели...

Вот так жестоко ласточки наказали упрямого и глупого воробья.

СЕКРЕТ РАСКРЫЛИ

Ползают серо-зеленые гусеницы по двору, лезут всюду, даже в дом. Миша собрал их в баночку и говорит:

— Папа, нам учительница рассказывала, что из гусениц получаются бабочки. На перемене у нас даже спор был — правда это или нет?

— И ты сомневаешься? А хочешь секрет раскрыть?

Мы взяли чистую стеклянную банку, пустили в нее гусеницу, завязали марлей отверстие и поставили на окно. Обеспокоенная гусеница стремилась выбраться из банки, но ничего не получалось. Стенки банки настолько гладки, что она не могла удержаться даже цепкими ножками и после каждой попытки выбраться возвращалась на прежнее место.

Прошло два дня. Наша пленница стала малоподвижной.

— Время подходит обращаться в куколку, — сказал я сыну, — посматривай чаще, чтобы не прозевать, как она будет себе мастерить домик.

Миша в эту ночь дважды просыпался, чтобы посмотреть на гусеницу. Но она была недвижима. Утром заметили: гусеница зашевелилась, стала быстро махать головой, раскачиваясь, как неваляшка.

— К чему бы это она так? Дай-ка, сынок, лупу:

И скоро нам все стало ясно: гусеница плела сеточку. Задними ножками цепко держалась за подготовленную паутинную площадку, а из ее рта вытягивалась еле заметная блестящая

нить, которую она приклеивала к стенке банки. Вскоре гусеница стала еще чаще мотать головой, словно забегал челнок швейной машинки. Каждые две-три минуты она поворачивала туловище то в одну, то в другую сторону.

Прошло часов восемь, и четко вырисовался паутинный домик-кокон, внутри которого она продолжала двигаться. К ночи гусеница замерла.

— Теперь она будет медленно обращаться в куколку, — пояснил я сыну.

Спустя два дня в коконе лежала темно-коричневая куколка. На тринадцатый день мы увидели в банке небольшую, цвета охры, ночную бабочку. Кокон был с одной стороны разорван, и скорлупка куколки, в которой была бабочка, тоже имела отверстие.

— А теперь бери определитель и узнай, что это за бабочка.

Миша немного полистал книгу.

— Вот она, — ткнул он пальцем в рисунок коконопряда. — Похожа?

— Да, кольчатый коконопряд...

— Можно, я покажу ребятам? — Миша взял банку. — Теперь все поверят, что бабочки сначала были гусеницами.

ВЕСНА ПРИШЛА

Накануне выпал снег, наверное, последний в эту зиму. Выпал ночью, а утром небо было уже чистым, голубым, высоким. И солнце выплыло из-за сопки яркое, радостное. Дома не усидишь.

Без телогрейки, в одном свитере, я взялся колоть дрова. Увлечся работой и слышу: льется звонкая песня. Воробей поет. Сидит на краешке конька крыши, освободившейся от снега, и поет. Перышки распушил, крылышки слегка оттопырил и машет ими часто-часто, головой вертит, задрав клюв, и при-

танцует вприсядку. Чирикает разноголосо, с переливами. Талант да и только!

— Ясно, ясно, почему так хорошо поешь! Хочешь сказать, что сегодня начало весны. Молодец! Весну открываешь,— похвалил я его.

Серенький Пушок в белых носочках тоже заметил бойкую птаху и на авось стал подкрадываться из-за карниза. Но не тут-то было... Воробей перепорхнул на дерево, осмотрелся и опять за песню...

Любопытно, а как же в лесу? Рекс увидел, что я с биноклем, и сразу запрыгал, понял, куда я собрался.

Идем по дороге, пробитой бульдозером. Рекс впереди — бодрый, подтянутый, уши чутко настрожены, шаг неслышный. Щедрая нынче была зима. Снегу отвалила сполна. Рекс все время бежит впереди, обнюхивает снежные глыбы по обочинам дороги. А я не спешу — всматриваюсь, вслушиваюсь...

Снег под ногами не скрипит, к валенкам не липнет. Воздух нежный, мягкий, даже дыхания не ощущаешь. Полное безмолвие. Ясно. Взглянул на небо, а там два слившихся цвета: темно-голубой и бледно-зеленый. Под ними парят вороны, да так высоко, словно орлы... А на стволе старой березы трепещет белый берестяной лоскуток — флаг капитуляции зимы!

ЕЛОВЫЙ БАРОМЕТР

На уроке географии спросил у ребят, какие они знают приметы погоды. Поднялся лес рук:

- Ласточки летают высоко — к хорошей погоде.
- Если с вечера ложится туман на луга, завтра будет ясно.
- Утром на траве нет росы — жди дождя.
- Молодцы! — похвалил я ребят. — Все сказали правильно.

Действительно, погоду могут предсказывать и животные, и птицы, и растения, и насекомые, только за ними надо постоянно наблюдать.

Саша Зотов не опускает руки, тянет изо всех сил.

— А у вас есть еловый сучок-барометр,— говорит он.— Расскажите про него, Федор Харитонович.

Как же я выпустил из виду свой еловый барометр?

После новогоднего праздника я хотел елку выбросить, но Анатолий Демьянович сказал, что она еще долго может служить.

— Из нее можно сделать барометр.

Отпилили мы от елочки самый ровный сучок с частью стволика. Обрезали ножом все боковые ветки, очистили от коры и заострили конец сучка. Вынесли еловый сучок на крылечко и прибили так, чтобы не доставали его ни дождь, ни солнечные лучи, иначе «барометр» неправильно будет предсказывать погоду.

Когда сучок высох, я, по совету Анатолия Демьяновича, прикрепил рядом дощечку и сделал на ней отметки. Если конец сучка поднимается над отметкой, значит, ясная погода, если опускается — жди осадков. Это зависит от влажности воздуха. Если в воздухе становится больше влаги, сучок впитывает ее, тяжелеет и опускается. Еловый барометр не ошибается. Особенно хорошо он предсказывает погоду летом.

ЗА РЫЖИКАМИ

Вы любите собирать грибы? Знаете их? Боровики, подберезовики, подосиновики-красноголовки, едва ли уступающие по вкусу и красоте знаменитому белому грибу... А как пахнут грузди! Какой у них густой грибной дух! Вдохнешь, и кружится голова... Но мне по душе больше рыжики. С детства, что ли, у меня это, не от отца ли? Именно с ним я первый раз пошел за грибами и набрал полную корзину крепких отборных рыжиков...

Прошло много лет, целая жизнь, а я, как наяву, вижу ту едва заметную в траве мягкую тропинку, слышу поучающий голос отца и помню тот первый найденный нами рыжик!

— Ох и пуглив же он!— слышу я голос отца.— Смотри, как он прижался к траве и березовым листком прикрылся, чтобы его не заметили. Видишь, какой он рыжий, с подпалинкой и легкой зеленцой.

Отец отрезал полую трубку, ярко-оранжевую снаружи и белую внутри.

— Понюхай-ка, грибочком пахнет.

Я, ухватив гриб, осторожно приблизил его к носу и, не понимая, что значит «грибочком пахнет», согласился:

— Пахнет, грибочком пахнет.

— Да, но где же другие рыжики? Ведь они любят расти не по одному, а семейством. Компанейские ребята.

Отец присел, раздвинул руками траву, и я увидел под палой веточкой один рыжик.

— Рыжики — грибы хитрящие, Федя. Их не сразу заметишь в траве. Но вот вдруг что-то блеснет... это луч солнца достал облитую росой шляпку рыжика.

Отец идет впереди меня. И вдруг он прошел гриб.

— Папка! Смотри, какого ты рыжика прошел!

Отец улыбнулся:

— Ишь ты, сразу научился грибочки искать.— И, обернувшись, заметил:— Так, так, сынок, прозрел, значит.

Да, то был мой первый самостоятельно добытый рыжик.

Сегодня капает, неспешно сеет с утра грибной дождь. Завтра пойду на свою первую в этом году грибную охоту.

ТАЙНЫ МУРАВЬИНОГО ДОМА

Муравьи — надежные помощники лесоводов. Их можно встретить в тайге, тундре, степях. Муравьев образно называют санитарами леса. Специалисты подсчитали: в день одна их колония уничтожает килограмм вредных насекомых, каждая семья защищает от вредителей четверть гектара лесных богатств. Издавна известно: там, где живут муравьи, лучше растут дере-

вья и кустарники. Неутомимые труженики прокладывают многочисленные тоннели под землей, а это улучшает доступ воздуха и воды к корням, помогает создавать плодородный слой почвы, распространять семена растений.

Часто бывая в лесу, я, конечно же, не мог оставить без внимания удивительные создания природы — рыжих муравьев.

Вначале меня удивляло только то, как они приспосабливаются к жизни. То вдруг встречу муравейник среди болота на высокой кочке, то просто на высокой релке на солнцепеке, то на открытой полянке прямо в земле, то в дупле сухостоящего дерева, то под тяжелым недвижимым камнем, а то и просто в трухлявой валежине. Один раз встретил холмик из глины, слепленный в виде богатырского шлема, как у белых муравьев. А однажды обнаружил семью муравьев под старым ученическим портфелем. Это был готовый дом! Под его крышей дождь не достанет, а солнце чуть пригреет — сразу тепло.

Невольно ко мне пришло желание узнать поближе жизнь этих маленьких существ, без которых мир, окружающий нас, стал бы неполным.

Я смастерил стеклянный ящик, перенес туда муравейник с маткой. Ее вы узнаете сразу — она в два, а то и в три раза больше самого крупного своего сородича. Муравьиный домик поставил на подоконник.

Я завел дневник, в который стал заносить все, что мне удалось узнать о муравьях. Записывал вопросы, возникшие у меня в процессе наблюдения, и их разгадки, которых становилось со временем все больше и больше. Удивительный это процесс — узнавание тайн сложной, интересной жизни. Появились свои открытия, которые и послужили основой повести «Тайны муравьиного дома».

* * *

Конец сентября. Ночью ударил первый мороз, а утром пригрело солнце. Я пересек двор и едва вышел за калитку, как

чуть не наступил на большого черного муравья-одиночку. Он только что выбрался из-под летней кухни и ковылял по ледяным кристалликам, покрывшим деревянный тротуар.

Жалко мне стало его. Занес его в избу, положил в стеклянную баночку клок ваты и опустил туда муравья. А как только он согрелся, я дал ему сочную, засахаренную ягоду брусники. Муравей подошел к ней и начал облизывать. Пять минут потребовалось муравью для утоления голода. Поел и принялся за туалет: раздвинул челюсти, протянул через них переднюю правую лапку, очистил ее язычком, потом ею погладил правый усик, протягивая от головы до конца. Подумал и опять принялся за еду. Ест да чистится...

Я посмотрел на него сверху, и он мне показался очень большим по сравнению с рыжим лесным муравьем — больше в три-четыре раза. И похож на три черненькие, слегка вытянутые бусинки: самая большая — брюшко, грудка раза в два меньше, а головка еще меньше. От нее отходят на обе стороны два усика, концы их чуть выгнуты наружу. От грудки в противоположные стороны отходят три волосяные лапки. Красив муравей! Особенно на белом фоне.

Я заметил, что он, не сходя с места, перебирает ножками. Видно, сильно продрог. К зиме не приготовился, вот и пришлось страдать. Я обдал его теплым дыханием. Муравей привстал, поднял головку и задвигал ею. Снова дыхнул на него: на этот раз он своими усиками-антеннками задвигал. Значит, согрелся.

Я решил проверить его смелость и стал приближать авто-ручку к его голове. Когда ее кончик оказался совсем рядом, муравей вздыбился, раздвинул челюсти и резко скакнул вперед, норовя схватить угрожающий предмет. Он резко отличается воинственностью от рыжих лесных муравьев: не выбрасывает яд — кислоту, а надеется на свою силу.

Смелый, сильный, неустрашимый — только за это станешь уважать его, нашего большого черного муравья-древоточца.

Солнечным теплым полднем следующего дня я выпустил скитальца в сад.

Суровая и продолжительная у нас зима. Насекомые с ее приходом прячутся кто где. Одни готовят себе паутинный домик, другие забьются под кору деревьев, третьи залезут в трухлявый пенёк или дерево, четвертые зимуют в скрученном сухом листе.

А как же готовят себе жилье для зимовки муравьи? Наверняка уходят в зимнюю спячку.

В конце октября уже выпал снег. Мы с ребятами пошли в лес. Подошли к холмику и стали вскрывать его. Мы думали, что внутри холмика, в сухом месте, будет гнездо, где кучей залегли муравьи. Но как ни старались отыскать их в холмике — все безрезультатно, муравьев там не оказалось. Где же они? Ведь до поздней осени были здесь.

Вскрыли под холмиком верхний слой земли, просмотрели его, и снова неудача. Тогда я осторожно отвалил толстый пласт земли, и ребята закричали:

— Вот они, муравьи! Мы их возьмем с собой?

— Ни в коем случае! Смотрите внимательно и запоминайте, как они устроились на зимовку.

Зимняя муравьиная «квартира» выглядит так: небольшая пустота в земле, размером с фасолину, а в ней как попало лежат окоченевшие мурашки.

Выкопанных муравьев мы тут же положили на место, аккуратно прикрыли землей, собрали в кучу строительный материал — тонкие палочки, сухую поблекшую травку, побуревшие хвоинки, кусочки древесной коры... А сверху насыпали побольше снега.

Тревога! Бедственное положение! Мы спешно закрыли крышку домика и стали наблюдать за новоселами, у которых началась непонятная муравьиная суеда.

Одни разбрелись по стенам, потолку, заглядывают во все углы, стремятся проникнуть в каждую щелку. Это явно разведчики: передвигаются осторожно, ощупывают усиками все загадочные места. Им надо найти выход и спасти всех. Это их задача.

Другие срочно тянут строительный материал в затемненный угол. Все стаскивают в одно место и укладывают не как попало, а по своему муравьиному правилу. Ведь домик надо сделать удобным и просторным, да еще и прочным. Тянут все подряд. Сформировали холмик, а на другой день из него начали вытаскивать на поверхность мелкий строительный материал и укладывать в углубления. Вот и получается муравейник сверху аккуратный и плотный, а в середине просторный и прочный. Жильцы его все время надстраивают и вытаскивают изнутри мелочь. Расширяют себе жилье: семья-то быстро растет. А чтобы домик сохранялся подольше, муравьи пропитывают его кислотой. Поэтому муравейники не преют и стоят долго, десятилетиями.

Заботливые няни бегают с коконами, спешат упрятать их в строящийся домик. Две-три минуты, и коконов уже не видать на поверхности.

Вдруг появился муравей, который тянул не кокон, а своего взрослого собрата. Тот был недвижим. Как потом выяснилось, с ним случилась какая-то неведомая нам беда и он погиб. Муравей долго метался со своей печальной ношей. Устал, бросил, отдохнул, опять подхватил и долго-долго носился с ним, стремился унести как можно дальше от жилья. Кто знает, отчего погиб соплеменник? Или век свой прожил, или от какой-нибудь болезни? Муравей выбился из сил, убедился, что дальше нести некуда, и бросил ношу. Позже мы видели: погибших муравьев стаскивали в одно место. Ребята называли это место муравьиным кладбищем.

Жилье муравьев ни на секунду не остается без охраны. Часть муравьев, кажется, бегают просто так. Но это не бездельники. Попробуй приблизить какой-либо предмет: муравей сразу встанет и замрет, а брюшко подогнет в сторону опасности,

готовый брызнуть кислотой. А если вцепится челюстями, не оторвешь: насмерть стоит за всех. Он из числа охраны, настоящий воин.

Так мы узнали, что муравьи занимаются каждый своим делом.

* * *

Залез муравей на марлевую сеточку, которой закрыли домик, уцепился ногой и повис вниз головой, как акробат. Мы подумали, что он просто отцепиться не может, барахтается. А он, оказывается, специально повис на одной ноге, чтобы почистить остальные, свободные.

Вот муравей двумя передними лапками, как руками, протер все ножки, протянул через рот, убедился, что они вычищены хорошо, и переменил ногу. Закончив свой туалет, побежал по марлевой сеточке и опустился вниз.

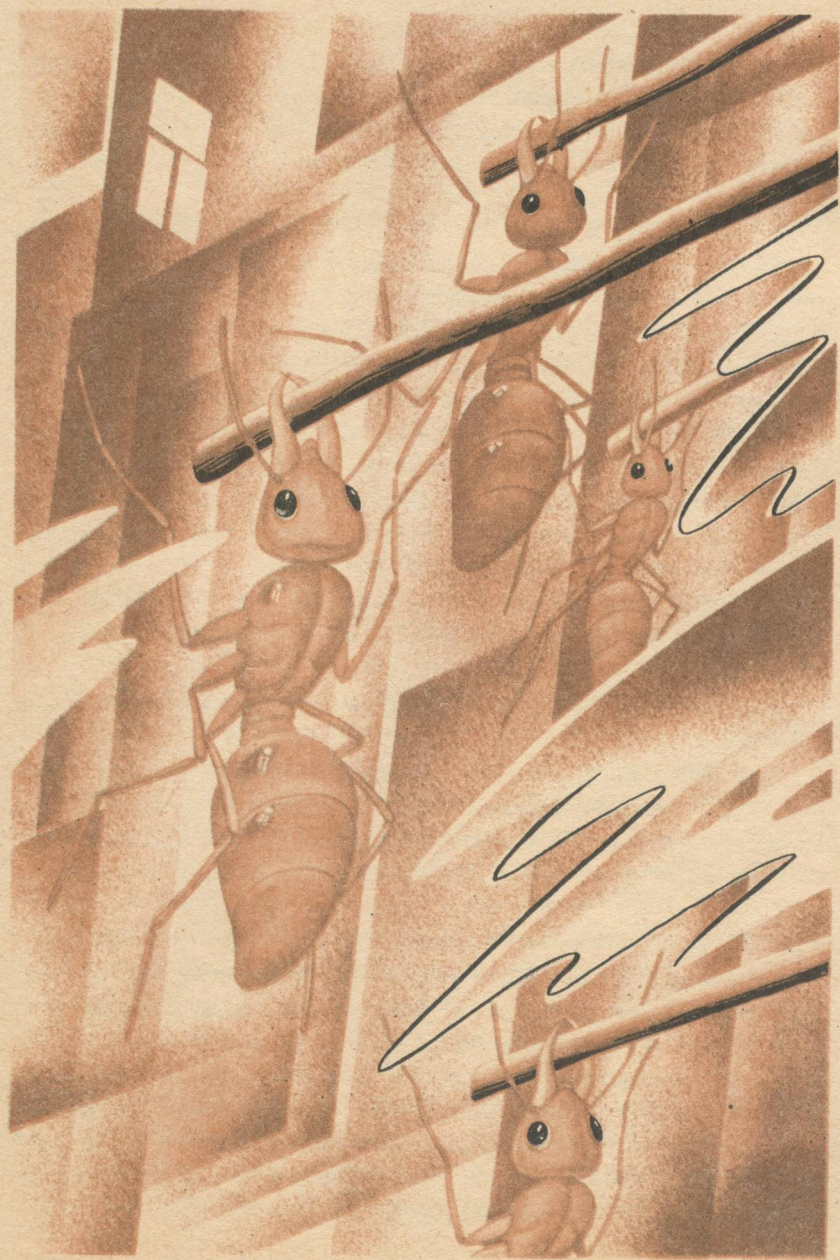
* * *

В крышку из-под консервной банки налили сладкий сироп, а сверху положили реечку и поставили муравьям. Муравей забежал на реечку и стал жадно пить. Пил, пил, отяжелел и свалился в сироп. Барахтаясь, он оказался под реечкой.

Засае́ем время. Пять минут понадобилось ему, чтобы снова оказаться на реечке. Мокрый, с раздутым животиком, с большим трудом переставляя ноги, направился к жилью — там уж точно окажут помощь.

* * *

Полдень. На стенке муравьиного дома, прогреваемой солнечными лучами, сгрудились муравьи, и в их скоплении торчат палочки, словно копыя древнего войска.

Как же они держатся? Любопытно. Пригляделся внимательно и вижу: муравей, расставив лапки, как башенный кран, цепко держит челюстями конец палочки, который ближе к стеклу. И застыл, словно изваяние, словно он и палочка — одно целое. Что это они придумали? Раньше я такого не замечал у них.

Я засек время. Прошло десять, пятнадцать минут — никаких изменений. Все те же недвижные позы, все так же тверды и неколебимы палочки.

И тут появилось еще несколько муравьев. Вышли из своего дома-холмика, постояли в раздумье и двинулись на ту же нагретую солнцем стенку. Один, особенно быстрый, тут же взобрался на ближнюю палочку, побежал на другой, свободно висевший ее конец, крутнулся, как на перекладине, раз-другой, быстро заперебирал лапками, вернулся назад, но, будто что-то вспомнив, снова оседлал палочку и снова повторил свои кувырки. Но меня удивила не его акробатика, а то, что палочка, которую, как копье, держал муравей, так и не шелохнулась. Какой же нужно обладать силой, чтобы удержать такой груз?!

Нет, действительно, эти крохотные существа удивительно сильны.

Мне было пора идти на работу. Я еще раз оглядел силачей, удерживающих шесты, и с сожалением подумал, что, когда вернусь, этого уже не увижу. Муравьи-силачи закончат свои состязания, и я не узнаю, как долго длилось оно, зачем было устроено.

Мое предположение подтвердилось. Когда я вернулся и посмотрел в стеклянный ящик, в нем было все как обычно. Муравьиный дом был тих. Обитатели его спали в своей комнате и, наверное, каждый видел свой муравьиный сон.

С тех пор прошло много лет. Все эти годы муравьи, жители стеклянного дома, были перед моими глазами. Я внимательно наблюдал их каждодневную жизнь, многое сумел объяснить для себя, но то, что я наблюдал в тот день, так и не повторилось, так и осталось для меня тайной.

Три часа дня. Солнце свернуло за угол дома, отбросив тень от него на муравьиное жилище. Муравьи засуетились, разбежались по всему домику. У «столовой» их собралось много, но незаметно, чтобы пили сироп. Пожалуй, больше всех забот сейчас у блюстителей порядка. Они следят за тем, чтобы все собратья отправились в муравейник. Ударят несколько раз усиками по встречному, и нарушитель на спине. Блюститель порядка хватает его челюстями и тянет к жилью.

За десять минут наблюдаем более двадцати подобных случаев. Несут большие маленьких, большие больших, средние средних, маленькие маленьких и даже маленькие больших. Спешат всех отправить в муравейник, а то ведь рабочим надо успеть закрыть все ходы и выходы до вечера, до наступления полной темноты.

Уже в темноте мы взяли фонарик и осветили «квартиры», где увидели массу муравьев. Многие были без движения. За пять часов зимнего дня набегались вдоволь и уже, должно быть, видят сладкие сны. Некоторые еще слабо пошевеливаются, ласкают друг друга усиками и засыпают. Неугомонного муравьишку старший тут же схватил за челюсть и унес в глубь муравейника.

Скоро на поверхности осталось всего лишь с десятков муравьев. Они замуровывали выходы из жилья. Видно, большие мастера своего дела. Но вот работа сделана, мастера остановились, замерли, слушают, нет ли еще нарушителей. Все тихо, и мастера направляются на покой. Но не все, один остался. Ребята называли его «комендантом муравьиного рая».

Десять часов утра. За окном двадцать градусов. Солнечно. Муравейник проснулся, жильцы засуетились, забегали. Мы первый раз решили дать им пресной воды, налив ее прямо на дно домика. Оказавшиеся рядом муравьи сразу стали

пить воду и, напившись, побежали к жилью. Наверное, сообщить своим, что пошел «дождь» и можно досыта напиться. Через одну-две минуты муравьи плотным кольцом окружили воду. Некоторые даже забежали на середину лужицы. Пили до тех пор, пока не раздулось до предела полосатое брюшко. Оно способно увеличиваться в два раза. Напившись, муравьи медленно двигаются к жилью. Навстречу бегут другие, постукивают встречных усиками, как бы спрашивают: «Где вы пили воду и как туда пройти?» Иные при встрече выделяют маленькую капельку воды. Встречный муравей сразу прилипает своим ртом ко рту товарища и жадно впитывает в себя влагу. Так они стоят друг против друга одну-две минуты. Встречный, выпрашивая добавки, начинает крутить головой, изворачиваться. Но всю воду отдать одному нельзя, и попечитель ни на какие уговоры не поддается, спешит в муравейник.

* * *

«Сам погибай, а товарища выручай» — по такому принципу живут муравьи.

На крышечке с сиропом лежала реечка. Неосторожный муравей забежал на нее и свалился в сироп. Досыта напился, отяжелел, барахтается; а выбраться на реечку не может. Ослабел, голова в сироп погружается. Он стал тонуть.

Рядом оказался другой муравей. Он схватил утопающего за брюшко и быстро вытащил на реечку. Спасенный не шевелился. Спаситель, пятясь, продолжал тащить его, но не рассчитал сил и оступился, упал в сироп, увлекая за собой спасенного. Спаситель снова попытался вытащить товарища, но безрезультатно. Сам с трудом вылез на реечку, но силы его уже были, видимо, на исходе, и он снова свалился в сироп. У места бедствия появился еще один муравей. Заметив незадачливых пловцов, он бросился им на выручку, вытащил из воды и отнес в безопасное место. Постоял около них,

убедился, что спасенные живы, и пустился по своим делам. С трудом передвигая ноги, пострадавшие заковыляли друг за дружкой к жилью.

* * *

Такое гладкое стекло, а муравей свободно бежит по вертикальной стене, да еще с грузом. Юннатов заинтересовало это:

— Как же у него устроены лапки, что не соскальзывают?

— А смогут ли муравьи бегать по ниточке, как это делают канатоходцы в цирке?

А что? Проверим! Натянем тонкую проволочку и посмотрим, смогут ли они бегать по ней.

Вскоре все было устроено. Мы усадились поудобнее в ожидании «циркового» представления, но сколько ни сидели, муравьи так и не побежали по проволочке. Мы разошлись по домам.

Следующий день был удачнее. Муравей, очевидно, только-только подошел к проволочному канату. Стоит и проверяет, ударяя усиками, прочно ли он натянут и можно ли по нему идти. Только встал передними лапками на проволочку, как мигом оказался на весу, но не растерялся, а, неуклюже цепляясь, стал передвигаться в висячем положении. Медленно, но успешно преодолел «канатоходец» десятисантиметровый маршрут.

Потом мы не раз видели, как муравьи перебирались по проволочке, но было ясно, что она не стала для них чем-то необходимым в жизни.

* * *

С января по апрель мы ни разу не видели больших коконов в муравьином доме и думали: размножаются муравьи или нет? Растет ли их семья? Присмотрелись и легко обнаружили маленьких муравьев. Значит, все в порядке — семья растет.

Порадовал нас март. На пригретой теплом батарее стенке увидели только что появившиеся муравьиные яйца, каждое не больше игольного ушка. Муравьи часто выносили такие яйца. И нас это обеспокоило: не застужены ли они?

Вскоре видим два больших кокона, принесенных к стеклу (здесь домик лучше прогрелся). Кокон размером с доброе пшеничное зерно, и пленка у них не блестящая, а матовая. По всему видно, из них скоро выйдут мурашки.

Не задержались муравьи и с новым сюрпризом — вынесли личинку. Она еще не кокон, но большая, со спичечную головку, и согнута серпом, а концы заострены. Личинка блестит, заметны кольца по всей ее длине. Через несколько секунд муравьи вынесли личинки поменьше, но потолще.

Сегодня у нас очень удачный день. Сразу, в течение полчаса, увидели яйца четырех размеров и в разных стадиях развития. Очень редкое наблюдение. Ребята рады.

* * *

В начале мая вышел за поселок, присел у излюбленного места, где с юннатами вел постоянно наблюдения за муравьями. Всматриваюсь, вслушиваюсь в природу. Солнце — за полдень, а тепла так и не прибавилось. Эта весна теплом не балует, но время берет свое: просыпается от зимней спячки природа. Проклюнулись зеленые стрелы саранки, распустил белые лепестки весенник звездчатый, поднялся, скидывая с себя прошлогодний лист, папоротник-орляк.

Тихо. И вдруг рванул холодный ветерок, потряхнул деревья, и полетели с дубков скрюченные листья. Ими усыпан весь бугорок. А сами дубки голые, их черные, корявые ветки четко смотрятся на фоне стройного березняка. На некоторых ветках набухли крепкие, ядреные почки. А верба уже цветет. Ее пушистая крона кажется желтым воздушным шаром. Верба — первый весенний медонос, и ее уже успели навестить домашние пчелы.

Белый ствол березы порозовел, словно принял весенний

загар. От мощного притока молодой крови береза уже успела по всей кроне развесить длинные сережки и распушить по стволу бересту. На ветру береста издает нежную мелодию какой-то старой, полузабытой песни.

Сухая осока на кочкарном болоте, покачиваясь, напоминает зыбь мутной воды. А на выжженных местах, по кочкам уже пробилась изумрудная зелень. Пестрота майских красок природы похожа на сентябрьскую, только выглядит нежнее и не совсем четко вырисовываются тона.

Муравьи поправляют свое жильё. «Охотники» в поисках пищи уже отбежали на несколько метров от холмика. Некоторые даже наведались на ближний дубок, вероятно, припомнили, как в прошлом году «доили» здесь тлю. Но тли пока никакой нет, и поиск не увенчался успехом.

Весной муравьи выглядят красочнее, чем в любое другое время года: голова темная, грудка рыжая, круглое бархатное брюшко пепельного цвета, опоясано узкими черными полосками с металлическим блеском.

Близится вечер, а муравьев на вершине холмика все больше и больше. У входов они уже образовали кучу малу в три-четыре слоя. Обитатели соседнего муравейника тоже принимают вечерние солнечные ванны. Всем хочется погреться перед долгой прохладной ночью.

Я пожелал муравьям спокойной ночи и пошел домой, радуясь, что самое страшное для них — зима — уже позади. Впереди тепло и летние заботы, большие и сложные, но приятные и радостные.

* * *

Как-то пришли на опытную полянку понаблюдать за муравьями, чтобы узнать, много ли они приносят насекомых. И что же? Под ногами кишат рыжие и черные муравьи. На первый взгляд, непонятная сутолока. Стали изучать обстановку.

Рыжие хватают черных и несут их к входу в жильё. Другие же, наоборот, относят их дальше от муравейника. К чему

бы это? Подобную картину мы наблюдали зимой в домике, когда муравьи уносили товарищей в муравейник перед сном. А еще рыжие выносят коконы. Впечатление такое, будто они разоряют черных. Неужели это так?

Обошли муравейник кругом и наткнулись на «трассу», по которой муравьи бежали навстречу друг другу. Некоторые были с коконами. Стало ясно, что они несут их в одну сторону.

Идем рядом с «трассой» и посматриваем: далеко ли они коконы понесут? Следить удобно: коконы белые и на темном фоне земли хорошо заметны. Проходим десять—пятнадцать шагов и видим другое жилье муравьев. Это бугорок, напоминающий место большой срубленной кочки. Он весь переплетен корнями и облеплен муравьями. Поведение их спокойное. Прибежавшие с коконами муравьи сразу же скрываются в отверстиях. Другие выбегают из них и тотчас отправляются по «трассе». Здесь же бегают и черные муравьи, их никто не трогает. Как заботливые хозяйки, величаво пробежали по бугорку две молодые матки. Отдельные мурашки суетились вблизи входа, делая короткие перебежки то в одну, то в другую сторону. Можно подумать, что они приветствуют пришельцев, одобряя их действия.

Скоро мы совершенно точно знали, что действительно идет муравьиное переселение. Жилье здесь благоустроено: бугорок не промокает от дождя, как это было на ровном месте. Нужда заставила переселиться — проливной дождь шел три дня подряд. А то, что рыжие мураши хватали черных, так это они, должно быть, хотели объяснить им, что они тоже должны идти с ними в более благоустроенный домик.

Мы облегченно вздохнули, радуясь тому, что здесь шло не разорение, а настоящее переселение, и, уже успокоившись, оставили муравейник.

Неделю спустя наведались сюда снова и окончательно убедились в том, что действия муравьев нами определены правильно. Старый муравейник был безжизненным, а кочкообразный бугорок — шумным и оживленным.

* * *

Идем по распадку в поисках новых муравейников. Тяжело муравьям в это лето. Дожди идут почти каждый день, землю промочило так, что в лес без резиновых сапог не заглядывай. Сегодня выдался первый солнечный день за долгую неделю ненастья.

Подошли к ручью, напились холодной воды и поднялись по крутому склону вверх. Только вышли из зарослей — наткнулись на муравьиный холмик. На вершине холмика уложены белые коконы.

Я придержал ребят, попросил их не шуметь и близко не подходить к муравейнику, чтобы не вспугнуть его обитателей. Из опыта прошлых наблюдений знал, что муравьи тотчас же унесут коконы в свой дом, и тогда не узнать нам, зачем они их вынесли.

Время — одиннадцать. Солнечные лучи, с трудом вырвавшиеся из-за туч на некоторое время, осветили муравейник. «Так вот оно что! — вдруг осенило меня. — Сыро, тепла не хватает для нормального развития потомства, вот няни и вынесли коконы погреть». Муравьи четко определяют разницу температур, и здесь, на воздухе, коконы лежали в ямке, хорошо защищенной от холодного ветра. Все правильно сделали муравьи.

* * *

Взрослый муравей, упираясь, как богатырь, задним ходом тянет прутик в десять раз больше себя. Показал свою удаль и маленький мурашик. Бежит на вершину холмика с торчащей во рту соломинкой, словно с дубинкой. Соломинка в три раза длиннее его, а он легко держит ее за конец.

Муравьи, если дружно возьмутся, могут перетаскивать огромные тяжести. Положили около муравейника погибшую змею для корма, так они ее за пять дней подтянули к жилью.

А однажды мы видели «волшебную» гнилушку.

Строят холмик муравьи. Вдруг перед нашими глазами чудо: гнилушка сама катится по крутому склону к вершине. Никого не видно, а она катится в нашу сторону. Остановилась, и с обратной стороны влез на нее муравей. Это он сделал гнилушку «волшебной». А как ухитрился катить ее вверх, мы так и не поняли.

Как все-таки мало знаем мы о природе, окружающей нас. О тех же муравьях, об их жизни! Сейчас, заканчивая свои записи, я особенно остро это почувствовал, увидел, как мало продвинулся вперед в своем познании этих удивительных существ! И обидно, и радостно мне. Обидно, что узнал так немного, а радуюсь тому, сколько предстоит еще узнать. Сколько удивительных встреч ждет человека, если он смотрит на мир внимательными, добрыми глазами.

Содержание

Родом из детства / 3
Дечули / 7
Шатун в декабре / 9
Хитрость зверя / 9
Медвежья шутка / 10
Первый экспонат / 11
Аммофила / 12
Ася / 15
Лопотоша / 19
Лесной бык Илья Муромец / 22
Лесные курочки / 24
Седая медведица / 26
Пушок-интеллигент / 28
Хвост здесь — кота нет / 29
Бурундучата / 30
Удод / 33
Вороньи сюрпризы / 34
Воздушный бой / 35
Дальневосточные скворцы / 37
А подумали — мышь / 38
Досадный случай / 39
Наказали / 41
Секрет раскрыли / 42
Весна пришла / 43
Еловый барометр / 45
За рыжиками / 46
Тайны муравьиного дома / 47

Федор Харитонович Масловский
ТАЙНЫ МУРАВЬИНОГО ДОМА

Редактор *Т. И. Гладких*
Художественный редактор *А. В. Колесов*
Технические редакторы *Н. Б. Хохлова, Т. А. Костюченко*
Корректор *Т. В. Киевская*

ИБ № 1857

Сдано в набор 23.02.89. Подписано в печать 25.05.89. ВЛ 01004.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура Тип Таймс.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 3,72. Усл. кр.-отт. 7,91. Уч.-изд. л. 3,05.
Тираж 100 000 экз. Заказ 41. Цена 15 коп.

Хабаровское книжное издательство
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Красная типография № 1
управления издательств, полиграфии и книжной торговли.
680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

15 коп.

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО